Страж перевала

Автор:
Кира Измайлова

Страж перевала

Кира Алиевна Измайлова

Колдовские мирыФеи #6

Высоко в горах застыл на перевале замок семьи Сайтор – от него остались одни развалины, но память камня хранит древнюю тайну. Спит в недрах скал таинственный страж, дожидаясь того, кто сможет позвать его и подчинить. Горы живут своей жизнью – странной и удивительной для человека равнин, но родной и привычной для тех, кто родился и вырос на перевале.

Очень далеко оттуда, при дворе князя Даккора, воспитывается юная Альена – сирота, последняя из рода Сайтор. Но так ли искренна забота о ней владетельного опекуна? Добра ли он желает или строит на ее счет хитроумные планы? И зачем ему – и ему ли? – нужен загадочный страж перевала?

Кира Измайлова

Страж перевала

© Измайлова К. А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1

Вокруг царила тишина. Глубокая, спокойная тишина… оглушающая после того грохота и шума, тех криков… Мне было страшно открывать глаза, потому что я не знала, что увижу, сделав это. Может быть, я уже умерла, и именно поэтому вокруг так тихо?

– Что с ней? – негромко спросил незнакомый мужской голос.

– Ничего страшного, господин, – подобострастно отозвался другой голос, тоже незнакомый. – Сильный испуг, только и всего. Думаю, вскоре девочка придет в себя…

Убедившись, что голоса принадлежат людям, во всяком случае, не похожи на страшный рев чудовищ из огненных подземелий Запределья (куда, как известно, попадают те, кто дурно вел себя при жизни), я все же решилась открыть глаза. Комната оказалась совершенно чужой и очень большой, насколько мне удалось увидеть. Я лежала на огромной кровати под балдахином, на которой, казалось, могли уместиться пятеро взрослых, и им при этом не было бы тесно.

Окна закрывали тяжелые шторы, в комнате царил полумрак, но я все-таки смогла различить лицо человека, стоявшего рядом с кроватью. Это был пожилой мужчина, почти полностью седой, но еще далеко не старый, наверно, ровесник моего отца. Темные глаза смотрели цепко и холодно, так, что дрожь пробирала, а властное некрасивое лицо, изборожденное глубокими морщинами, было определенно мне знакомо, в отличие от голоса… Где же я могла его видеть? Где?..

– Она пришла в себя, господин…

А этот человек, видимо, лекарь: от него остро пахло какими-то травами, почти как от старой знахарки, которая иногда забредала к нам – когда по

приглашению, когда просто поточить лясы на кухне.

Пожилой мужчина перевел взгляд на меня, и сразу захотелось забиться под подушку: взгляд этот пронизывал насквозь, а мне вовсе не нравилось, когда меня разглядывали вот так, в упор.

– Ты что-нибудь помнишь, дитя мое? – неожиданно мягко спросил он.

Я открыла было рот, но тут же сообразила, что помню я очень и очень мало. Вот разве что мне было очень страшно, когда вспыхнул огонь…

– Я не помню, что случилось… – выговорила я наконец. – Все бежали куда-то и кричали, а еще пожар…

– Девочка была перепугана насмерть, господин, – встрял лекарь. – Вероятно, позднее она сможет рассказать больше. Хотя, может быть, и не стоит пытаться пробудить ее память.

Мне отчего-то показалось, что седому пришлись по нраву эти слова, и он сказал:

– Ты прав. Не стоит ей рыться в таких воспоминаниях. – Он повернулся ко мне и добавил: – Забудь это как страшный сон, дитя мое. Теперь ты в безопасности, и в моем замке тебе ничто не угрожает. Не волнуйся ни о чем. Я позабочусь о тебе.

Я хотела было возразить, что обо мне заботятся мои родители… Но тут же перед мысленным взором снова вспыхнул тот страшный пожар, и я поняла… вернее, почувствовала, что теперь обо мне и в самом деле некому больше заботиться. Отец и мама всегда были рядом, большие и теплые, хотя иногда и грозные, а теперь я не чувствовала их, совсем! А ведь я могла сказать, что отец простудился, даже когда он был за перевалом, куда гляди не доглядишься! И если их нет… Значит, остался только этот незнакомец.

– Как только она почувствует себя лучше и сможет встать, пускай ее приведут в мой кабинет, – обратился он к лекарю, и тот глубоко поклонился.

Седой снова посмотрел на меня и, неожиданно ласково потрепав по голове, повторил:

– Ничего не бойся, дитя. Все будет хорошо.

Он вышел, а я снова попыталась вспомнить, почему же мне так знакомо его лицо? Может быть, он когда-то приезжал к моим родителям? У отца бывали многие, матушку навещали подруги с мужьями, но среди них я не могла припомнить этого человека. А хотя бы раз увидев его, трудно было бы забыть подобное лицо!

– Выпейте-ка, юная госпожа. – Лекарь поднес мне какое-то зелье в большой красивой чашке.

У матушки была похожая вазочка, чей-то подарок: там на белоснежных полупрозрачных стенках красовались синие птицы с узорчатыми длинными хвостами. Мне настрого запрещалось трогать вазочку, потому что она стоила очень дорого – такие вещи привозили издалека, а даже обычные глиняные горшки можно переколотить по дороге на ярмарку, что уж говорить о такой хрупкой вещичке! Стеклянные вещи и то прочнее…

Я послушно осушила чашку и, уже погружаясь в неожиданно навалившийся сон, вдруг вспомнила, где я видела лицо седого: на золотых монетах, которые имели хождение во всех окрестных землях. На золотых монетах, на которых был выбит резкий профиль владетельного князя Даккора… Это значит, что я в его замке? Но почему? Как я тут оказалась?.. Увы, ответов на эти вопросы я не знала…

* * *

Не знаю, сколько миновало дней: я потеряла счет времени.

Помню, стоило вынырнуть из темного омута сна и открыть глаза, как вокруг тут же начинала хлопотать служанка, в горло мне лился теплый бульон или какой-то душистый травяной отвар… и я снова засыпала, не успев даже спросить, какой нынче день.

Бывали и другие пробуждения – после сновидений: поначалу часто снился пожар, огненное кольцо, все теснее сжимавшееся вокруг, грохот и человеческие вопли, и тогда я просыпалась с криком. Служанка успокаивала меня и поила с ложечки сладким зельем, от которого я делалась будто соломенная кукла и не

чувствовала ни рук ни ног и даже думать не могла.

Но случались такие видения, во время которых я изо всех сил старалась подольше удержаться на грани сна и яви, потому что мне казалось – это что-то важное, очень важное! И как ни было страшно, я терпела до последнего, до тех пор, пока не оказывалась заключена в огненных стенах, а пламя не принималось жадно глодать мою одежду и волосы… Там, за этой стеной, кто-то искал меня, но не мог увидеть – так ярко горел огонь, так слепил!

Верно… Изредка мне удавалось увидеть за непроницаемой стеной глаза – тоже огненные, но это был совершенно иной огонь – он не обжигал, он был холодным, а взгляд этих глаз казался тяжелым, как… как золотой слиток. Именно тот, кто смотрел из-за пламенной стены, пытался меня разыскать, манил взглядом, звал по имени… Но зачем? Кто это был? Почему-то казалось, что он не враг мне, и я пыталась узнать больше, расспросить – бывает же, что во сне удается поговорить с привидевшимися тебе людьми, животными и даже вещами, – но он не слышал, не различал слабого голоса за чужими криками и ревом пожара!

Я просыпалась вся в слезах от бессилия, а если спрашивали, что меня так взволновало, могла сказать лишь, что видела, как горит наш замок. Про золотые глаза я говорить не хотела, не знаю почему, но мне казалось, лекарь о чем-то догадывается, да и служанка упоминала, что я говорю во сне… После таких сновидений меня поили каким-то горьким зельем, после которого я спала вовсе беспробудно. Не маковым отваром, нет, чем-то совсем незнакомым… хотя откуда мне было знать, какие зелья используют в этих краях?

Но всему приходит конец, прекратились и мои сновидения, и меня все реже пичкали зельями…

Когда я проснулась в очередной раз, тяжелые шторы на окнах были отдернуты, и яркий солнечный свет заливал комнату. Заметив, что я открыла глаза, довольно молодая полная служанка, дремавшая рядом на стуле, тут же устремилась ко мне и принялась умывать, причесывать, одевать и кормить, будто я совсем маленький ребенок! На все мои уверения, что я сама способна одеться (ну хорошо, некоторые шнурки и тугие крючки не поддавались, тут бы я от помощи не отказалась) и умею пользоваться столовыми приборами, она только вздыхала и качала головой, и была права. Уметь-то я умела, да вот только первое время даже удержать ложку не могла, настолько ослабла…

Сейчас, правда, я уже достаточно окрепла, чтобы справиться с едой и не заснуть, не донеся ложки до рта, но служанке – ее звали Мадитой, – похоже, просто нравилось со мной возиться.

С этим я кое-как могла смириться, но вот любопытство не давало покоя. Например, у меня никогда не было такого платья! И не похоже, что оно с чужого плеча, выглядит совсем новым… Неужели его сшили уже здесь? Конечно, это не так уж сложно: хорошая мастерица и за ночь может управиться, это же не дамский парадный наряд с длинным шлейфом и затейливой отделкой… Но и обувь тоже пришлась точно по ноге! Тоже стачали нарочно для меня? Неужели при замке живет столько мастеров?

Или… сколько времени я пролежала без памяти, раз они успели все для меня приготовить? И что случилось с моим родным домом? И родители… Может, они все-таки живы, просто мое чутье не действует?

Правда, тогда непонятно, почему князь сказал, что позаботится обо мне, и я тогда еще подумала – он уверен, что больше это сделать некому. Должно быть, наверняка знал, что сталось с моими родителями! А если знает господин, то и слуги наверняка что-то да слышали, в замке от сплетен и слухов не убережешься: непременно хоть словцо кто-то да обронит, а другой подберет и передаст остальным. Слово за слово… Не может же быть, чтобы служанки не шушукались по углам о том, откуда взялась чужая девочка и почему князь окружил ее такой заботой!

Увы, на мои вопросы Мадита не отвечала, говорила, мол, всему свое время, мне все объяснят, а ее дело маленькое: подай, принеси, убери…

– Идемте, госпожа, – сказала она наконец. – Вас уже ждут.

Нетрудно было догадаться, кто именно ждет – ведь князь сказал, чтобы меня привели к нему, как только я смогу встать. Непонятно только зачем…

Княжеский замок подавлял не то чтобы своими размерами (горы-то намного больше), а каким-то странным внутренним устройством: мне показалось, что в этих бесконечных коридорах и переходах ничего не стоит заблудиться. Должно быть, его столько раз переделывали и пристраивали новые переходы, что от изначального здания ничего и не осталось… Впрочем, Мадита шла уверенно, не

плутая: привыкла, наверно, за много лет и знала все закоулки и лестницы.

Еще я думала о том, что зимой в замке должно быть очень холодно, потому как дров не напасешься протопить этакую громадину! Или, может, зимой тут тоже, как у нас, закрывают летние покои, а топят только в паре залов да в спальнях? А еще здесь, наверно, не бывает таких ветров, как на нашем перевале: там порой так задувает целыми неделями, что хоть закрывай ставни, хоть затыкай узенькие окошки подушками, хоть занавешивай стены заморскими коврами (ворс такой, что рука утонет!) и звериными шкурами в три слоя, все равно сквозит. Отец говорил, замок очень старый, в кладке щелей больше, чем камней, все не заделаешь. Чем латать, проще было бы новый построить, только где же столько денег раздобыть?

Но это-то ладно, уж хватило бы, но… Подходящих мест поблизости нет, значит, новый замок надо строить на фундаменте старого, а самим куда деваться на пару лет? Быстрее-то не выйдет: от снега до снега времени всего ничего, да и то половина – слякоть, груженые повозки с трудом проходят… А как представишь, сколько всего нужно для строительства, так руки и опускаются. Мама однажды сказала, что не представляет, как это наши предки ухитрились возвести замок в таком месте, не иначе ворожил им кто-то! Я потом долго допытывалась: правда ли, что в прежние времена колдуны были не чета старой знахарке, которая только и умеет разные травки от кашля и прострела заваривать? Отец в ответ только ухмылялся в усы… ну а с годами я и сама все поняла.

Я постаралась не думать о родителях, потому что от этого сразу тянуло расплакаться, а разве я могла появиться перед князем зареванной?

Мадита почтительно постучала, а когда изнутри прозвучало «Войдите!», глубоко вздохнула, едва-едва приотворила дверь и тихонько сказала:

– Господин, к вам юная госпожа…

– Впусти и исчезни, – был ответ.

Мадита впихнула меня в кабинет и проворно захлопнула дверь за моей спиной.

Я осталась наедине со старым князем.

Он сидел в кресле, похожем на сказочный трон, и выглядел так сурово, что я невольно попятилась, уткнувшись лопатками в закрытую дверь. Потом все-таки собралась с духом и присела в глубоком реверансе.

– Подойди ближе, – сказал он вполне дружелюбно и даже улыбнулся. Правда, глаза у него остались холодными и настороженными. – Как ты себя чувствуешь?

– Благодарю вас, господин, хорошо.

– Ты знаешь, кто я?

– Да, господин, – сказала я. – Вы – владетельный князь Даккор. Я вас узнала – вы есть на всех монетах!

Князь улыбнулся шире.

– Не всякий может похвастаться тем, что узнал меня по чеканке на золотых, – сказал он. – Должно быть, ты достаточно на них насмотрелась?

– Да, господин. Когда отец считал деньги, я складывала монеты столбиками. Он говорил, что я очень ему помогаю, а то их так много, что в одиночку ему ну никак не справиться, а казначею он не очень-то доверяет, – серьезно ответила я. – А заодно я научилась считать до тысячи и даже больше.

– Вот оно как… – Князь вздохнул и потер массивный подбородок. – Счастлив тот отец, который может позволить ребенку забавляться золотыми монетами…

Я промолчала, потому что не знала, надо ли отвечать на его слова. И еще едва не сказала, что монеты скучные, считай, одинаковые, разве что одни истерты больше, на других царапины есть… А вот самоцветные камни все разные, и разглядывать их можно часами, ведь каждый по-своему играет на свету! Порой даже самый невзрачный осколок, если удачно повернуть его, так брызнет в глаза цветными искрами, что не враз проморгаешься, а уж будучи правильно ограненным, сделается невероятно красивым!

– Послушай, дитя мое, – произнес он после долгой паузы. – Я вынужден сообщить тебе горькую весть… На замок твоего отца напали неизвестные разбойники.

Должно быть, они надеялись поживиться, услышав о его богатствах, а потому попытались взять замок штурмом. Неизвестно, что случилось, но начался пожар, и… Мне больно говорить тебе об этом, но я обязан сказать: тела твоих родителей так и не нашли. Пожар бушевал такой, что камни плавились, а от людей не осталось даже пепла.

Я выслушала его, как это ни странно, совершенно спокойно, как будто князь говорил не о моих родителях и моем родном доме, а о посторонних людях, как будто он рассказывал мне страшную сказку…

– Представить не могу, что именно так горело, – продолжал он. – Я слыхал, подобное случается от удара молнии, но ведь сезон гроз давно миновал!

– На перевале грозы случаются и зимой, господин, – ответила я.

Да, зимние грозы – это здорово! Бывает так: на чистое-чистое, высокое, прозрачно-голубое небо, вымороженное настолько, что кажется: тронь – зазвенит, наползает из-за перевала, с той стороны, чернильно-синяя или свинцово-серая, с вороненым отблеском туча, а где-то в глубине этой тучи ворочается и сонно бурчит громовой зверь. Иногда он не просыпается, и ветер уносит его тяжелую перину прочь, но если уж очнется и чихнет, тогда держись!.. Гулкие раскаты следуют один за другим; на самом деле их может быть всего-то ничего, но горное эхо повторяет и повторяет, пока не надоест…

Но это что, от грома только уши закладывает да кажется, будто замок содрогается от основания до верхушек башен, а в горах с гулом сходят лавины. А вот молнии… Я как-то видела – они били непрерывно в одно и то же место полчаса кряду, я насчитала больше сотни вспышек! А когда гроза отгремела, отец отправил туда людей, и оказалось, что большой утес разломился пополам. Разведчики привезли оплавленные камни, а отец внимательно рассмотрел их, кивнул каким-то своим мыслям и сказал непонятно: мол, перекрыли дорогу. Кому, какую дорогу? Не ту, по которой ходили обозы, это точно, иначе всех немедленно отправили бы разбирать завал! Там же единственный путь из долины на ту сторону гор, и без него, узкого донельзя – едва-едва двум возам разойтись, – зажатого меж скал в ущелье, торговцам пришлось бы туго…

Я спросила, о чем идет речь, а отец лишь улыбнулся и сказал, что молнии любят железо, и если чуют под землей рудную жилу, мчатся туда, чтобы полакомиться.

Только вот могут разворотить целую гору, как малые дети, которые, торопясь добраться до спрятанного варенья, способны перебить всю утварь. Нет бы осторожно переставить горшки и плошки!

Тут я поняла, что отвлеклась и успела прослушать несколько фраз князя, но переспросить не осмелилась, равно как и сказать, что молнии никогда не попадали в замок. Я любила слушать самых-самых старых слуг, потому что они знали много сказок и былей о прежних временах, и все в один голос твердили – вокруг молнии бить могут сколько угодно, но вот чтобы в башню или во двор ударило – такого не бывало. Однажды, правда, обвал случился, когда неподалеку громыхнуло и северную стену немного привалило, ну так заодно ее и починили: не пришлось далеко за камнем ездить, сам пришел… Когда я спросила отца, почему так, он ответил – молниям золото не слишком по вкусу, зачем им наш замок? Тебя, мол, тоже кашу не заставишь есть, если на виду пирог с дичью лежит!

– Боюсь, мы никогда уже не узнаем, что именно произошло и каким чудом один из слуг твоего отца сумел вывезти тебя из горящего замка, – говорил тем временем князь. Речь его лилась легко и свободно, словно он отвечал хорошо подготовленный урок. – К несчастью, этот храбрец скончался от полученных ран, не успев ничего рассказать.

Я хотела было спросить, зачем слуге понадобилось везти меня именно сюда, если гораздо ближе к нашему дому располагались владения старого друга моего отца, но промолчала. Может быть, те неизвестные разбойники перекрыли дороги и слуга просто побоялся ехать в ту сторону? А горных тропинок он или не знал, или опять же не рискнул отправляться по ним, будучи раненым и со мною на руках? Да и не по всем из них лошадь пройдет, там и не каждый человек проберется…

– А кто это был, господин? – не удержалась я. – Как его звали?

– Я не знаю, дитя, – тяжело вздохнул он. – Было не до расспросов. Пока мне доложили… Бедняга впал в забытье и только бредил, твердил о нападении и пожаре, да еще повторял твое имя. Он лишь на краткий миг пришел в себя перед кончиной и смог услышать, что ты в безопасности. По меньшей мере, он умер с улыбкой на устах, зная, что исполнил свой долг.

– А как он выглядел?

– Хм… обыкновенно, – развел руками князь. – Мужчина в летах, но не старый… вот и все, что я помню.

– Простите, господин, – повинилась я, – конечно, вам было не до того, чтобы его разглядывать.

Под такое описание подходил кто угодно. Мало ли у нас было мужчин в годах! Наверно, это Ривон, подумала я: он был выносливее многих молодых парней, а еще любил меня, как родную дочь. Он рассказывал мне диковинные истории, учил ездить верхом на мохнатой горной лошадке, кусавшейся не хуже собаки, и метать камни из пращи. А когда отправлялся в объезд, привозил какие-нибудь диковины – обычный вроде бы камушек, который, если его повернуть к свету, сверкал синим и золотым, как крылья бабочек, любивших сырые места и всяческое гнилье. Или перо неизвестной птицы: оставалось только гадать, ворон его обронил, орел или кто-то еще?

Да, наверно, именно он. Ведь от перевала до княжеского замка не один день пути, и даже если Ривон был ранен не слишком тяжело и сумел довезти меня в целости и сохранности, его рана за это время могла загноиться, и спасти его уже не сумели…

«Но этого же не может быть, – подумала я. – Не может быть, чтобы не стало папы и мамы, и кормилицы, и Ривона, и всех остальных!»

А вдруг мне просто мерещится? Я зажмурюсь покрепче, потом открою глаза, и все будет по-старому: бойкая Нэни стащит с меня одеяло и спихнет с кровати, не дав досмотреть сон, макнет в таз с холодной водой, чтобы уж наверняка проснулась, потом проверит, хорошо ли я умылась… Нэни приставили ко мне только в этом году, сказав, что я уже достаточно большая и мне нужна собственная горничная.

А потом я пойду завтракать, наверно, только с мамой, потому что отец опять отправился по делам и, может быть, пропадет на несколько дней, а потом вернется уставший и грязный… Когда он ночевал у пастухов на верхних пастбищах, мама отказывалась сидеть с ним за одним столом по несколько дней кряду, уверяя, что даже после мытья от него разит невесть чем. Странно, мне

даже нравилась смесь запахов молодого сыра, овчин грубой выделки, лошадиного пота, мокрой псины, дыма костра и незатейливой походной стряпни, к которым летом примешивался запах цветущего горного луга и раскаленных на солнце камней, а зимой… Зимой, наверно, снега – запах был морозный, чистый…

– Теперь ты находишься под моим покровительством, – сказал князь после долгой паузы.

Видимо, он решил, что я потеряла дар речи, так потрясла меня дурная весть. Не могла же я сказать ему, что просто не в силах поверить в это!

– Не волнуйся ни о чем, я прослежу, чтобы ты получила достойное воспитание и образование. Я даже позаботился о твоем будущем, дитя мое… – Пронзительный взгляд остановился на моем лице. – Когда ты подрастешь, я выдам тебя замуж за своего сына. Это будет хорошей партией для вас обоих, не так ли?

– Да, господин, – прошептала я, стараясь ничем не выдать своего изумления.

Да уж, о такой партии для меня родители и не помышляли… Нет, вовсе не потому, что мы были худородны или бедны (вот уж о чем смешно подумать!), а потому, что мой будущий муж должен был войти в семью, а не наоборот, ведь других детей у родителей не было. Если бы у них родился сын, который унаследовал бы фамилию, тогда другое дело, но пока я оставалась единственной дочерью, иного пути не было. А разве князь позволит своему отпрыску, тоже единственному, войти в семью супруги?

– Значит, вот на этой замухрышке я должен буду жениться? – раздался вдруг ломкий юношеский голос, и я только теперь заметила у окна еще одного человека.

– Говори уважительно о своей будущей невесте, – холодно отрезал князь, а я во все глаза уставилась на его сына.

Наверно, ему было шестнадцать или семнадцать, но мне он показался совсем взрослым – а чего ожидать от девочки моего возраста? В таком возрасте пять лет представляются огромной разницей.

Он был высок – одного роста с отцом, если не выше, только еще по-юношески худощав и гибок. Да и внешне они очень похожи – резкие черты лица, ястребиный нос, высокие скулы. Только волосы у юноши не седые, как у отца, а русые. И глаза не карие, а изжелта-серые, как у хищной птицы, но не водянистые, как это часто бывает, а очень яркие. На дочерна загорелом лице они походили на ярко начищенные серебряные монетки. И взгляд у него был точь-в-точь отцовский, пронзительный… и недобрый.

– Разумеется, отец! – Он отвесил шутовской поклон. – Однако позволь хотя бы поинтересоваться именем и происхождением моей будущей супруги!

– Конечно, сын мой. – Старый князь взглянул на сына не без иронии – мол, будто сам не знаешь. Наверно, этот спектакль предназначался для меня, только чего ради его затеяли? – Это юная Альена из старинного рыцарского рода Сайтор. Полагаю, тебе встречались упоминания об этой семье в летописях нашей страны?

Молодой князь коротко кивнул.

– Теперь, когда я убедился, что эта юная особа и впрямь достойна стать женой будущего князя, – сказал он весьма ядовито, – позволь мне откланяться, отец!

– Иди, – махнул рукой Даккор. – А ты, дитя мое, тоже можешь отправляться в свои покои. Отдохни пока, скоро я выпишу тебе лучших учителей, каких только смогу найти. Невеста моего сына должна блистать во всем. Ты согласна?

– Да, господин.

А что я еще могла ответить? «От чего мне отдыхать, господин, я что, устала, лежа в постели? И нет, господин, я вовсе не хочу обучаться тому, что полагается знать высокородным девицам, отец собирался учить меня совсем другому…» Кто же меня послушает!

– Ступай. – Князь вернулся к бумагам, давая понять, что ему уже не до меня.

Мадита, поджидавшая за углом, отвела меня обратно – оказалось, я запомнила почти все повороты с первого раза – и спросила, чего я желаю.

Признаться, я ничего особенного не желала, но попросила ее найти мне куклу – ведь старая, моя любимица, сгорела. Мадита жалостливо вздохнула, мол, маленькая еще, по игрушке скучает, и ушла. Но я, правду сказать, давным-давно уже не играла в куклы: какой от них прок, наряжать и укладывать спать?

Мне просто хотелось побыть одной. Не станешь же при служанке, какой бы доброй она ни казалась (а я еще и не знала, вдруг на самом деле она презлющая?), давать себе волю! Мадита, конечно, могла вернуться в любой момент, но и этой малости иногда довольно…

Помню, я жалела о сгинувших собаках – отец обещал подарить мне собственную, когда ощенится его лучшая сука, о лошадях, особенно своей мохнатой кобылке… А о людях думать почему-то не получалось, будто в голове построили каменную стену и за этой стеной все – родители, домочадцы, слуги – были живы, просто я не могла их увидеть. И Ривон, может быть, вовсе не умер от раны: отлежится немного и придет меня проведать, и скажет, что пора ехать домой. Он посадит меня позади и велит покрепче держаться за его пояс, и скоро мы поднимемся на перевал, и я спрыгну наземь, не дожидаясь, пока меня снимут с конской спины, и побегу к родителям. Мама ласково обнимет меня и станет расспрашивать, что интересного я видела в княжеском замке, а отец разгладит усы, усмехнется и скажет, мол, эка невидаль – князь! Поди лучше на псарню, вот там диво так диво – собака ощенилась, выбирай любого кутенка, я обещал, да не вздумай пускать его на кровать!..

Но в то же время я понимала: этого уже никогда не будет. Все они останутся за стеной, в Запределье, и я увижу их только тогда, когда наступит мой черед миновать последний перевал.

Когда Мадита вернулась, я уже справилась с собой и с благодарностью приняла большую, очень красивую куклу с тонко расписанным фарфоровым лицом и настоящими волосами, в пышном платье, а еще целый сундучок с нарядами для нее. Кукла казалась совсем новой, не похоже было, что до меня ее брала в руки другая девочка. Может, кто-то привез ее в подарок княжне? Но у князя есть только сын, а заранее, не зная, мальчик родится или девочка, такие вещи не дарят, примета дурная… Однако князь вдовеет, так, может, он лишился супруги вместе с дочерью? Бывает такое, что мать умирает, а ребенок остается жив. Вдруг княжне успели наречь имя и поднести дары, но и ее не стало?

А может быть, я просто слишком люблю выдумывать небывальщину, как говорила кормилица, и кукла была куплена по случаю – мало ли, пригодится порадовать чью-нибудь дочь. Вот и пригодилась…

– Нравится, госпожа? – спросила Мадита, увидев, как я разглядываю игрушку.

– Да, она очень красивая, – честно ответила я. – Никогда таких не видела!

– Ну так заморская диковина, – улыбнулась она и осторожно потрогала кружева на куклином платье кончиком пальца. – Ишь ты, до чего работа тонкая, умеют же люди! Как живая… Нарочно для вас куплена, госпожа. Его светлость денег на обновки и подарки не пожалел! Это вы еще не все видали, потом поглядите: там и другие игрушки, и книжки с картинками, и для рукоделья всякое-разное…

Я снова прикусила язык, чтобы не спросить: сколько же времени прошло с того дня, как я оказалась в замке, раз мне успели пошить эти самые обновки и накупить всякого-разного, как говорит Мадита? Ведь не заранее же мне готовили такой прием!

– Идемте, госпожа, – позвала служанка. – Успеете еще наиграться, а пока я вам покажу, что тут где. И куда ходить не нужно, чтоб не заругали и вас, и меня за то, что не уследила…

Я кивнула и усадила куклу на кровать. Она казалась почти живой, и в нарисованных глазах мне почудилась обреченность. Кукла будто глядела на комнату и думала о том, что здесь ей придется провести еще много-много лет. А потом ее забросят, когда надоест, оставят пылиться на полке, а может, передарят кому-нибудь… А то и вовсе сломают и выбросят за ненадобностью.

Но, может быть, это были мои собственные мысли.

Глава 2

Время шло. Я уже пообвыклась в замке, хотя к чему там было привыкать? Ходить куда-то, кроме отведенных мне покоев, не то чтобы настрого запрещалось, но…

Всякий раз, стоило улизнуть от Мадиты и отправиться побродить по бесконечным закоулкам, меня замечал кто-нибудь из слуг и приводил обратно. Иногда казалось, будто с меня глаз не сводят, но как это могло быть? Я не замечала соглядатаев, а ведь невидимками они не были!

Впрочем, думать об этих странностях оказалось некогда: князь в самом деле пригласил для меня учителей, так что редко выдавалась свободная минута. Убедившись, что я умею читать, писать (пускай почерк мой оставляет желать много лучшего) и считать до тысячи и даже больше, наставники взялись за меня всерьез.

Не могу сказать, что учеба давалась тяжело, но все же иногда я готова была вышвырнуть книги в окошко, а следом выпрыгнуть сама, просто ради того, чтобы побыть на воле! Да что там, хотя бы сбегать на кухню и разузнать, что сегодня готовят на обед, на конюшню – полюбоваться княжескими скакунами и угостить их солеными сухариками или яблоком, на псарню – посмотреть, так ли хороши здешние волкодавы, как о них толкуют, или наши были лучше? Да хоть на скотный двор – маленькие поросята такие забавные, а ягнята – те просто прелесть!

Но куда там… Нельзя, не положено, благородной девице не пристало ступать иначе как по разостланным коврам или надраенному до блеска полу, и не приведи Создатель замарать руки!

Я долго не могла взять в толк, что такого случится с моими руками, если я поглажу собаку или барашка? Запачкаются? Так всегда помыть можно…

Как по мне, от вышивания они страдали куда сильнее – я вечно до крови колола себе пальцы непривычно тонкими иглами! Матушка моя, по правде говоря, вышивание терпеть не могла, зато умела прясть и ткать: старый-престарый, еще прабабушкин ткацкий станок она привезла с собой, когда вышла замуж за моего отца.

Я, помню, могла подолгу сидеть и наблюдать, как кружится веретено или снует челнок в ее пальцах, а потом и сама понемногу выучилась этому ремеслу. Конечно, у меня не получалась такая тонкая и ровная нить, как у нее, да и соткать я могла разве что дерюжку, но матушка говорила, что в моем возрасте у нее и этак не получалось, всему свое время. И кружева она тоже умела плести,

жаль, меня не успела как следует выучить, я знала только самые простые узоры. Ну а шить в нашем замке любая худо-бедно умела, и я тоже сидела со всеми женщинами: дел всегда хватало. По малолетству мне доверяли разве что края подрубать, но с ходу ведь шелковый ковер не выткать! Так и проходили долгие зимние вечера: кто шил, кто вязал, кто прял, а еще непременно рассказывали длинные истории… Я тоже рассказывала, потому что, хоть еще ничего толком не видала в жизни, у меня получались складные и затейливые «враки», как называла мои выдумки кормилица.

Тут было похожее обыкновение: дамы вышивали, а кто-нибудь читал вслух. Об этом мне сказала Мадита, когда я пожаловалась на обучавшую меня мастерицу. (Та, услышав о кружеве, только поджала губы и велела выбирать шелка для вышивки, а еще распустить вчерашнюю работу и сделать заново – дескать, ни одного стежка ровного нет, все вкривь да вкось!) Мол, если я буду стараться, то и меня допустят в дамский круг, а то я пока вроде котенка: вместо того чтобы вышивать, с клубком играю да нитки путаю, какие уж там кружева…

Мне же почему-то казалось, что, даже если я превзойду мастерством свою суровую наставницу, мне все равно не разрешат вышивать со всеми вместе. Странное дело: обо мне не могли не слышать, но никто даже не попытался меня увидеть! Случись такое у нас, привези раненый всадник дочь не последнего человека в округе, от желающих помочь и утешить отбоя бы не было! Конечно, от такой заботы тоже скоро взвыть захочется, но чтобы ни одна сердобольная или попросту любопытная дама не попробовала со мной повидаться и расспросить… Не верилось мне в подобное, вот только объяснить эту странность я никак не могла.

Мадита, когда я напрямик спросила ее, почему мне дозволено видеться только с наставниками да слугами, удивленно округлила глаза и сказала, что так распорядился его светлость по совету лекаря. Дескать, я и без того пережила страшный удар, лишившись и родителей, и дома, а если меня начнут расспрашивать, то я могу опять заболеть от расстройства…

«Или что-нибудь вспомнить», – подумала я тогда, потому что много размышляла об этом. Все, что было до того момента, как я очнулась в кровати под балдахином, исчезло из памяти. Я помнила, как мы ужинали с родителями – охотники настреляли горных перепелок, а они по осени чудо как хороши! – и собаки вертелись под ногами, выпрашивая подачки. Отец говорил о том, что скоро к нам пожалуют гости и это не ко времени, потому что осень на перевале –

пора горячая, куда там лету! Нужно готовиться к зиме, а в этом году, по всем приметам, она должна быть ранней. Словом, не до того, чтобы развлекать гостей…

А вот кто должен приехать, отец не сказал. Или я просто не обратила внимания: мало ли у нас бывало народу!

Может, под видом гостей как раз и заявились те самые разбойники? Нанялись в охрану обоза, например, если ожидался какой-нибудь купец – такое ведь случалось, и не так уж редко! Если обоз большой, товар дорогой, то и охраны берут много… Но не столько же, чтобы справиться с отцовским отрядом? Или дело в том, что он не ожидал подвоха? Когда нападают исподтишка, даже лучшие бойцы не помогут… А если это произошло ночью, так тем более.

Еще я помнила огонь и крики, но и только. Как начался пожар, кто куда бежал и что делал? Все будто испарилось, словно вода на раскаленном камне!

Конечно, в те годы я мыслила еще не так складно, но ведь недаром слышала столько историй о подобном предательстве! Не так уж трудно было догадаться, как могло обстоять дело.

Но как же Ривон спас меня? Отец передал ему меня и приказал скакать что есть сил, не щадя коня? Или он сам, увидев, что господин погиб или смертельно ранен, принял такое решение? Или вынес меня из огня? Если я надышалась дымом или ударилась головой, тогда понятно, почему ничего не помню. Увы, вопросов было множество, но ответить на них было некому.

А еще мне хотелось бы знать, сумели ли разбойники завладеть отцовской казной. Ведь все это устроили ради богатой поживы! Но если замок горел, то подобраться к подвалам было ой как непросто, а войти внутрь и найти что-нибудь – и того не легче. Я надеялась, что раз уж так вышло, то замок рухнул и похоронил под обломками всех этих негодяев рядом с сокровищами, которыми они так хотели завладеть! Ну а чудовища из Запределья пускай вечно вливают им в глотки расплавленное золото, пока не утолят их жажду наживы…

Мне, признаюсь, хватило бы весточки о том, что разбойников изловили и повесили, но увы – об этом ничего не было слышно. Даже словоохотливая Мадита разводила руками и говорила лишь, что негодяи будто улетучились

вместе с дымом пожарища. Никто ничего не видел и не слышал. И хоть князь приказал искать преступников со всем тщанием, их и след простыл.

* * *

Своего нареченного (и подумать-то о таком странно!) я почти не видела, и очень славно. Впрочем, он не так часто появлялся в отцовском замке. Насколько мне удалось узнать из разговоров слуг, старый князь обычно посылал сына разбирать тяжбы упрямых землевладельцев (и если понадобится, останавливать распри силой), разыскивать тех самых грабителей с большой дороги, благо их хватало… Наверно, он считал, что таким образом сын получит бесценный жизненный опыт, и нимало не беспокоился о том, что Райгор с каждым годом становится все более жестоким и опасным. Во всяком случае, в замке его побаивались точно так же, как и самого князя Даккора, а еще я не раз слышала, как молоденькие служанки жаловались – проходу не дает!

Оно бы и ничего, говорили они, так уж у вельмож заведено. Только другие, бывает, если и зажмут в уголке, так потом подарят что-нибудь или хоть слово доброе скажут. Иному старичку много уже и не надо, а отблагодарит за ласку он очень даже недурно. С Райгором же, хоть он был и молод, и собой недурен, никто не желал иметь дела, от него прятались по углам. Почему так, девушки сами не могли объяснить. Противно – и все тут! Одна горничная, посмышленее остальных, придумала, с чем сравнить: сказала, ветошью себя почувствовала – руки вытерли или там сапог, которым в коровью лепешку наступили, бросили, пнули и дальше пошли.

Конечно, все это я узнала не в один раз, при мне не очень-то болтали, но… языки у прислуги длинные, а слух у меня хороший. Здесь словцо поймала, там другое, вот и узнала много такого, о чем нарочно бы мне никто не сказал.

* * *

Помню, в тот день я бездельничала: моя наставница слегла с прострелом (каюсь, это я незаметно приоткрыла ставню, чтобы ее просквозило), и я отправилась побродить по замку, пока никто не заметил моего отсутствия. Моя добрая Мадита, я знала, сделает вид, будто думала – я прилежно вышиваю под присмотром госпожи Даны. А как не попасться другим слугам… Я уже немного

наловчилась обманывать недреманное око этого замка! Порой мне казалось, будто тут живет волшебник: посмотрит в хрустальный шар или в зеркало и видит, куда я подевалась. Но волшебников и даже знахарей здесь не было, князь не любил их и не пускал ко двору.

Больше года прошло, как я оказалась заперта в этом замке, будто в темнице. Я не видела никого, кроме наставников и слуг, да изредка самого князя Даккора, присылавшего за мной, чтобы лично справиться, как мне живется. Иногда я встречала и Райгора, но тут уж сама старалась спрятаться за портьеру, чтобы не заметил…

Нет, я не скучала, я умела занять сама себя, но все равно тосковала без вольного неба! А здесь… Какое там из окон, даже и со двора сложно было увидеть хоть что-нибудь. Помню, в нашем замке во время ненастья я только и делала, что бегала туда и сюда: с северной башни видна была долина по ту сторону перевала, заполненная тяжелыми свинцовыми тучами, – они медленно ползли в нашу сторону, но над ними сияло солнце, и его лучи превращали грозовые облака в диковинных зверей. А на юго-западе небо было чистым-чистым, стеклянно-синим, и даже удивительно, как это с него может литься мелкий теплый дождь? И радуги… О, эти радуги, расцветающие после дождя, бесконечные арки, уходящие вдаль!

Спасибо Мадита, с которой мы почти подружились, водила меня погулять в сад, но ведь и там шагу не сделаешь, чтобы не нарваться на очередное «нельзя»… Нельзя бегать по траве и сидеть на ней – испачкается одежда, а уж о том, чтобы снять туфли и чулки и пройтись босиком, и думать не смей! Нельзя рвать цветы, нельзя собирать ягоды и уж тем более есть их, нельзя умываться и пить из фонтана… Разве что птиц в пруду кормить можно, но они такие сытые и ленивые, что за кусочком хлеба сунутся, если только угодить им этой подачкой точно по голове!

Помню, в дальнем уголке сада я нашла маленький кустик шиповника. У нас на перевале он цвел с ранней весны до глубокой осени, порой уже и под снегом, и был он таков, что не каждый сунулся бы в эти заросли! Этот же оказался совсем слабеньким: наверно, тут когда-то росла садовая роза, но погибла, а от корня пошел шиповник, только окрепнуть не успел. На нем был один-единственный цветок, маленький и бледный, но я долго вдыхала его аромат – он напомнил мне о доме…

Назавтра, когда я пришла на это место, шиповника не было, а на перекопанной клумбе красовался какой-то пышный куст. Я не стала спрашивать, почему так вышло: и так ясно, что садовника не похвалят, если он запустит свое хозяйство… Пожалела только, что не сорвала цветок и не засушила его на память, раз уж шиповник все равно погиб.

– Не скучно ли вам, госпожа? – то и дело спрашивала Мадита, а я отвечала:

– Очень скучно. Я хочу покататься верхом, можно это устроить?

– Боюсь, нет, госпожа, – вздыхала она и умолкала.

Хорошо хоть скакалку мне не запретили, а может, просто не додумались. Я не могла сидеть сиднем весь день, я привыкла бегать и лазить везде, где мне заблагорассудится, а теперь чувствовала, как слабеют руки и ноги… Еще немного, и я превращусь в такую же тонкую и бледную девицу, каких видела из окна: с лошадей их снимали слуги или кавалеры!

Скакалка, правда, была ненастоящая, потому что настоящую раздобыть я не могла. Но я очень хорошо умела воображать, поэтому вспомнила тяжесть и деревянных рукояток, и крученой веревки…

– Что ж вы прыгаете на ходу, госпожа, чисто кузнечик, – жалобно говорила Мадита, но я не обращала на нее внимания. Такие мелочи никого не занимали, это я уже поняла.

В тот день лил дождь, и я, дождавшись, пока Мадита задремлет, снова отправилась бродить по замку. В коридорах было пустынно: так вот ни разу не встретишь человека, да и поверишь, что находишься в заколдованном замке, все жители которого много веков как спят…

Но нет, что-то я все же услышала. Я огляделась и поняла, что случайно забрела прямо к дверям кабинета старого князя. Мне доводилось бывать тут всего несколько раз, когда Даккору хотелось узнать, как я усваиваю науку, но место узнала.

У меня и в мыслях не было подслушивать, но князь и его собеседник говорили так громко, что я невольно сделалась свидетельницей разговора.

– Замолчи! – прогремел старый князь и, кажется, хлопнул ладонью по столу.

– Но я не понимаю, почему должен жениться именно на этой девчонке! – рявкнул кто-то в ответ, и я с удивлением узнала голос молодого князя. Кто бы мог подумать, что князь Даккор позволяет сыну разговаривать с собой в подобном тоне! – Что, мало вокруг достойных девушек? Зачем мне это соломенное чучело?

– Я не думал, что мой сын настолько глуп! – пророкотал князь. – Ты не видишь очевидного, дорогой мой отпрыск!

– Хорошо, отец, я готов признать, что я слеп, как крот! Тогда объясните мне, почему?.. Ну почему именно она?

– Ты помнишь, чем именно владеет род Сайтор? – немного тише осведомился князь. Теперь мне приходилось напрягать слух, чтобы расслышать его слова.

– Конечно, – фыркнул Райгор. – Совершенно никчемный кусок земли, сплошные скалы! Не понимаю, что в них такого важного…

– Вижу, ты прогуливал уроки, а если и нет, то пропустил мимо ушей то, что именно роду Сайтор принадлежит единственный перевал. Единственный! Теперь тебе ясно?

– Но… – заикнулся было мой будущий супруг, однако старый князь перебил и заговорил громче:

– Ты можешь сказать, что сейчас эти земли и так находятся под моей опекой. Верно! Но только до совершеннолетия Альены. После этого они на совершенно законных основаниях будут принадлежать ей. А если ты на ней женишься – то тебе. То есть нашему княжеству. Теперь ясно?

Райгор сказал что-то, я не расслышала его слов.

– Вот уж нет, – ответил князь. – Если род Сайтор прервется, эти земли отойдут их дальним родственникам, роду Литтен. Опять же совершенно законно. И не мне эти законы оспаривать, если я не желаю, чтобы мое княжество развалилось на части. И еще, Райгор, перевал перевалом, но не забывай…

Тут он заговорил так тихо, что я уже не могла различить ни слова и сделала пару шажков подальше от двери. Очень много интересного я сегодня услышала… Ну теперь хотя бы стало понятно, почему старый князь так настаивает на моей свадьбе с его сыном и осыпает меня такими милостями. Вовсе не из-за жалости к несчастной сироте и врожденного благородства, а из обычной корысти.

В самом деле, почему же я раньше об этом не подумала? Ан нет, думала, вспомнила я, еще когда князь сказал, что выдаст меня замуж за своего сына…

– Вот сам бы и женился на ней! – раздался из-за дверей голос Райгора. – Из нее получилась бы отличная мачеха для меня!

На мгновение воцарилась тишина, потом что-то с грохотом упало – я представила, как со стола князя падает тяжелый письменный прибор, – и раздался звук какой-то особенно звонкой пощечины.

Секундой спустя дверь распахнулась, и Райгор, задыхаясь от бешенства, вылетел в коридор. На его бледной щеке полыхал алым след отцовской ладони.

Я постаралась незаметно отступить в темный угол, чтобы он меня не заметил, но, конечно же, зацепилась проклятой юбкой за рыцарские доспехи и наделала шуму.

– Ты?.. – Он повернулся в мою сторону. – Что тебе тут надо? Ты подслушивала?

Я отчаянно замотала головой и попятилась – уж больно неприятно выглядел молодой князь.

– Отвечай, когда тебя спрашивают! – рявкнул он, а я сделала еще шаг назад, запнулась обо что-то и упала, больно подвернув левую ногу.

Снизу вверх смотреть на Райгора было еще страшней – в такой ярости я никогда его не видела. Пожалуй, правдой были рассказы слуг о том, что норовом молодой князь пошел в отца. Только князь Даккор давно уже научился сдерживаться, а сын его еще не овладел этим искусством в полной мере и вполне способен убить в гневе…

Он приближался ко мне, и я невольно попробовала отползти, пока не уперлась спиной в стену. Райгор нависал надо мной, словно сказочный великан, и, взглянув в его перекошенное от бешенства лицо, я невольно попыталась закрыться руками.

– Вставай и пошла прочь отсюда! – Райгор схватил меня за запястье и рванул, заставляя подняться.

Тут же дала о себе знать подвернутая нога, я невольно вскрикнула и шлепнулась обратно на пол, когда он выпустил мою руку.

– Ты что, с ума сошел?! – Распахнутая дверь ударилась о стену, и князь Даккор оттолкнул сына в сторону, склонившись ко мне. – Альена, дитя мое, этот болван тебя напугал? Что случилось?

– Она подслушивала, отец, – процедил Райгор сквозь зубы.

– Я нечаянно, господин… – шепотом сказала я. – Вы говорили так громко…

– Ничего страшного, только впредь не броди одна где попало. – Князь вдруг наклонился, легко поднял меня на руки и понес в мои покои. – Райгор, прикажи позвать лекаря. И поживее!

– Со мной все в порядке, господин, – заверила я, – до завтра заживет.

– Все равно, пускай лекарь посмотрит. И скажи на милость, зачем ты ушла из своих комнат?

– Мне скучно там, – честно ответила я. – Я не привыкла сидеть взаперти, господин. Дома я ездила верхом, бродила где хотела, а не… вышивала с утра до ночи! Я понимаю, что у вас совсем другие порядки, но позвольте мне хотя бы

ходить на конюшню и псарню! Я по лошадям и собакам скучаю…

– Пожалуй, это можно устроить, – сказал он после паузы. – А на Райгора не сердись. Он еще молод, горяч и глуп.

– Он недобрый. Не как вы.

Это вырвалось у меня само собой, но князь вдруг умолк. Хорошо, мы уже были на месте: он передал меня с рук на руки Мадите, посмотрел на нее так, что она съежилась, да и ушел.

Я же подумала: может, когда я вырасту, он перестанет смотреть на меня как на досадную помеху, докуку, навязанную ему нежеланную и ненужную невесту?

Вряд ли, это уж я понимала. Перевал перевалом, но жениться по приказу отца невесть на ком… И ладно бы я была хороша собой, но увы, я уже отлично понимала, что красавицей меня в этих краях никогда не назовут. Я походила на отца: высокая и плечистая, локти да колени торчат, не то что мама – ее так и тянуло обнять, мягкую и уютную. И волосы мне достались ее – светлые, густые, только у нее они были послушными, а у меня… солома на голове, иначе не назовешь! Мадита чуть не плакала, пытаясь совладать с моей шевелюрой – прическа рассыпается, и все тут: никакие снадобья, притирки и десятки шпилек и заколок не помогают.

До чего странно… Когда я была маленькой, помню, всегда бегала с непокрытой головой, и все – домочадцы, гости, даже грубые пастухи с дальних пастбищ – восхищались моими золотыми кудрями. Теперь же от них осталось одно воспоминание.

«Это от болезни все так поменялось, – сказала Мадита, в очередной раз попытавшись безуспешно завить мне локоны, – у одной моей родственницы волосы совсем повылезли, только в платочке и чепце на люди выходит. Так что вам грех жаловаться, госпожа, пускай кудрей нет, зато поглядите, копна какая!»

Конечно, можно было утешать себя тем, что кроме красоты в женщинах ценят еще и ум… иногда. Но вот от жены будущего правителя всегда ждут каких-нибудь особенных достоинств. Говорят, жена князя Даккора была сказочной красавицей, как и его мать. А уж умны были эти дамы или нет… Кому какое

дело? Ума у князя у самого хоть отбавляй, а жена его должна блистать красотой. Но, может быть, Даккор тоже думает, что красавица с куриными мозгами немногого стоит? Хорошо бы, если бы он и сыну это внушил!

Глава 3

Мадита все никак не могла совладать с моими непослушными волосами – уложить их во взрослую прическу.

– Да оставь, знаешь же, что не выйдет, – вздохнула я. – Делай, как обычно.

– Но госпожа… – начала было служанка, но все же покорилась.

Теперь косу вокруг головы носят только крестьянки, но иначе… Разве что с вовсе распущенными волосами выйти, а это для взрослой девицы непристойно, не ребенок уже.

Я взглянула на свое отражение. Что ж… мне можно дать не четырнадцать, а все двадцать: и ростом удалась, и статью, и лицо уже недетское. Вот только если б не фигура: не досталось мне матушкиных округлостей, хоть плачь!

Плакать, однако, я не собиралась: день был важный. Сегодня старый князь решил наконец представить меня гостям.

Народу в трапезном зале было очень много, и кто другой наверняка бы растерялся, но я-то выросла на перевале, где кто только не гостил! (Сдается мне, увидав этих гостей, многие из здешних придворных убежали бы впереди собственного визга.) Словом, не думая смущаться, я прошла к князю, а он улыбнулся мне и жестом пригласил за стол.

Справа оказался Райгор, и был он, против обыкновения, мрачен, должно быть, опять получил нагоняй от отца. На меня он взглянул мельком и тут же отвернулся. Я могла его понять: напротив сидела красивая девица его лет: пышный бюст едва прикрыт тончайшим кружевом, щеки алеют нежным румянцем, ресницы трепещут… Как же на такую не засмотреться!

Мое появление вызвало некоторое оживление в зале. Князь жестом попросил тишины и, встав со своего места, произнес:

– Господа, позвольте мне представить вам благородную Альену Сайтор, мою воспитанницу и будущую супругу моего сына!

Кто-то громко, не сдержавшись, ахнул. Присмотревшись, я узнала старого друга отца, рыцаря Раве, того самого, до чьего замка было рукой подать от моего дома.

Шум в зале постепенно стих, гости занялись угощением и разговорами. Я же сидела как на иголках до самого конца трапезы, и, на мое счастье, продолжалась она недолго. Я уж давно поняла: князь Даккор знал счет деньгам и вовсе не собирался устраивать застолий от заката до рассвета, как бывало у нас! Особенно если заявятся горномогучие соседи со всеми чадами и домочадцами: эти, пока от пары быков даже косточек не оставят и не осушат пяток бочек, из-за стола не встанут. Разве только плясать пойдут, а тогда только и смотри, как бы не угодить под их хоровод: затопчут и не заметят, потому как пляшут они так же, как пьют и едят, – без удержу.

Стоило мне вспомнить пляску горных богатырей, от которой содрогался замок, а кое-где сходили небольшие лавины (и потому устраивать веселье старались во дворе, если погода позволяла), как гостей пригласили пройти в другой зал, приглашая к танцам.

Старый князь мирно беседовал с незнакомыми вельможами, а я, ускользнув потихоньку, отправилась искать рыцаря Раве, проскальзывая между танцующими. Это было несложно, потому как я с раннего детства привыкла шнырять под ногами у плясунов, а здешние танцоры им не чета: в худшем случае толкнут или на подол наступят, не насмерть же затопчут…

Долго искать не пришлось: старик вовсе уж невежливо растолкал гостей и заключил меня в объятия.

– Альена!

Я с удивлением увидела слезы радости у него на глазах.

– Вот счастье-то какое!

– Дядюшка, что такое? Ты разве не знал…

– Мы же думали, что ты погибла! – продолжал он, не слушая. – Мне как далекоглядящий весточку принес, что Сайтор сгорел, я туда ринулся, спешил, как мог, но… Альена, там… Развалины одни и пепелище, никого не найти. Кто из ваших на дальних пастбищах был, те уцелели, видели зарево издалека, вот и прислали ко мне гонца, а что толку? Потом еще горномогучие подошли, аж четыре старших клана, помогли разобрать завалы, но… – Раве прикрыл глаза рукой. – Только косточки и нашли, а чьи – поди угадай! Как же ты-то спаслась?

– Меня успел увезти кто-то из наших слуг, – ответила я, – Ривон, должно быть. Его даже расспросить не успели, он ранен был…

– Умер?

– Да. А я ничего не помню, дядюшка.

– Вовсе ничего? – нахмурился он.

– Только как вечеряли с родителями, а потом… потом вроде бы огонь и шум. И это все, – честно ответила я, поскольку, как ни старалась, так и не смогла припомнить хоть что-то важное, будто мне снежный червь мозги выел.

– Отчего же Ривон не к нам поскакал? Уж он-то все ходы-переходы знал!

– Не знаю, – покачала я головой и отступила, давая дорогу танцорам. – Может, ранен был тяжело, может, пути перекрыты оказались… Сказали, на Сайтор напали разбойники, поживы искали, вдруг не проехать было? Сам-то он, наверно, пробрался бы или затаился у чутконосых, но со мной…

– Уж будто бы тебя чутконосые или легколапые не спрятали да не уберегли, а его не выходили! Могли и за помощью сбегать, – пробормотал старик и потер лоб. – И если это Ривон тебя спасал или кто другой из ваших, то не на своем коне и не пешком: не нашли следов, хотя всю округу обыскали. Чужих – хоть отбавляй, но и те успело дождем размыть. Как раз после пожара такая гроза

грянула, что все грязью залило, поди поищи!

– А до казны разбойники добраться успели? – быстро спросила я, заметив, как князь поглядывает в нашу сторону.

– Сама же знаешь, что чужой туда не войдет, а сунется – там и останется. А когда мы завалы разобрали… пусто там, как есть пусто. Завалящей медяшки – и то нет.

– Может, все же вывезли?

– Нет, девочка. – Раве посмотрел на меня в упор и усмехнулся. – Двери-то целы были, обгорели только. А сверху замок рухнул, и никто завалы не трогал, пока горномогучие не пришли. Да будто я сам не видел, как там…

– Что ж, тогда хоть одно утешает: этим негодяям ничегошеньки не досталось! – прошептала я.

– Только ты, – негромко сказал старик.

– О чем ты, дядюшка?

– Князь Даккор взял над тобою опеку, хотя у тебя есть родня. Пусть дальняя, но есть – Литтены, ты же знаешь!

– До них поди доберись. Туда быстрокрылый-то лететь будет несколько суток, и это если его еще упросишь, да и легконогие скорее не доскачут… И сдается мне, – я заговорила совсем тихо, – князь мало что о них знает, слыхал только, что есть такие… где-то очень далеко, за перевалом. А я ничего не говорила, потому как не спрашивали.

– И правильно сделала, – так же тихо ответил он. – А про женитьбу-то правда?

– Так князь решил, а что я могу поделать? – Я покосилась на Райгора, кружившего в танце ту кружевную прелестницу. – Я случайно услышала – это ради перевала. Он же мне достанется, а так – мужу. Еще немного, и стану княжной…

– А не хочется? – шепнул старик.

– Нет. Райгор недобрый, – повторила я однажды сказанное. – И ему невдомек, что у меня за приданое… То ли отец ему не говорит, то ли и сам толком не понимает – перевал и перевал. А так вот увидит кого из наших соседей – со страху поседеет!

– Да уж… Завалы-то разобрали на том месте, где Сайтор стоял, – повторил Раве, – фундамент уцелел, что ему сделается? Его еще когда сложили, о тех временах и памяти не осталось, а он держится. А стены навести… помогут. Прежние-то были… не знаю, десятыми по счету или больше? И твой отец верно всегда говорил: замок проще перестроить, чем щели залатать. Вот и сбылось, только…

– Только мне туда никак не попасть, – покачала я головой, – разве что с супругом. Но будто он станет меня слушать!

– Если сумеет понять – станет, а нет – зачем тебе такой муж? – Старик тяжело вздохнул и взял меня за обе руки. – Ну да ничего. Я передам, что ты жива. Ждать будут… А знамо бы дело, заранее подговорил бы кое-кого, взяли да умчали тебя, и ищи ветра в небе!

– Не выйдет, дядюшка. Охраны много, а из замка меня вовсе не выпускают.

– Оно и видно, совсем худая да бледная… На родителей до чего похожа! Глаза совсем отцовы – грозовые, темные, с просинью да просверком. А волосы материны. – Он осторожно коснулся выбившейся из моей косы пряди. – Эх, прежде были чистое золото, мягкие, словно шелк, любо-дорого взглянуть, хоть вышивай ими! А теперь солома соломой, уж прости…

– Говорят, это от болезни, – вспомнила я слова Мадиты. – Ну хоть вовсе не выпали, и на том спасибо. А и такие годятся, верно?

– Да, на равнинах который год поля ни градом не бьет, ни дождем не заливает сверх меры, рожь с пшеницей стоят в мой рост, – задумчиво произнес Раве. – Только колосья почти пустые, молоти не молоти – солома одна.

– То-то и пир сегодня скромный… – сообразила я.

– Вот-вот. Но нам про это знать не полагается, верно? И вот что, Альена. – Он наклонился к самому моему уху. – Думается мне, срок мой подходит к концу, и вряд ли мы еще свидимся…

– Дядюшка!

– Не перебивай! Я старше твоего отца больше чем вдвое, пора и честь знать. Так вот, запомни…

Он сказал всего несколько слов, явно не все, что собирался, но делать было нечего: князь прислал за мною слугу. Когда я подошла к нему, он ласково пожурил меня: дескать, негоже уделять время только одному гостю. Я извинилась, дескать, так рада была увидеть старого знакомца, так рада! А он поговорить любит, обо мне беспокоится, вот и расспрашивал, как мне живется. Не могла же я не поведать о том, как меня приняли в княжеском замке? А ему все не верилось, что я живу тут будто в сказке!

Князь благожелательно улыбнулся и поманил к себе сына.

– Райгор, отчего ты не пригласишь на танец свою невесту?

Тот заметно переменился в лице – ему вовсе не хотелось танцевать с долговязой (а я уже была почти одного с ним роста) девицей у всех на глазах. Однако князь Даккор был непреклонен – он умел показывать это одним взглядом, не прибегая к помощи слов, – и его строптивый сын вынужден был подчиниться.

– Позвольте… – Райгор церемонно подал мне руку, и я приняла ее, склонившись в придворном поклоне.

Он же обернулся к музыкантам и приказал:

– Играйте «Кружева»!

И тут я поняла, что Райгор решил посмеяться надо мною. Наверняка наставники докладывали о каждом моем шаге и слове, вот и мастерица-рукодельница

сказала о моем желании плести кружева… Что ж, память у Райгора была хорошая, а шутить он любил зло, потому и выбрал этот старинный танец.

Его недаром назвали «Кружевами»: состоял он из бесчисленного множества сложных фигур, которые можно было чередовать произвольно, полагаясь на волю музыки, как опытная кружевница сочетает узоры, следуя вдохновению, но получалось такое далеко не у всех. Этому танцу давно уж не обучали как следует, потому как выбирали его разве что старики…

Райгор, как и некоторые другие, знал с десяток фигур: должно быть, его учил тот же старичок, что приходил на уроки ко мне. Только вот ни старенький наставник, ни тем более Райгор никогда не выходили в круг с горномогучими и уж тем более со сребролликими – те могут и насмерть затанцевать, если сильно увлекутся… Бывало, все уже без сил повалились, едва дышат, а у этих еще перепляс во всю силу, чья возьмет – только земля дрожит да белые искры летят, будто даже звезды на небе подпрыгивают!

Я, конечно, так не умела, но и того, что помнила, хватило с лихвой. Давно я не испытывала такого веселья! Меня будто подхватило и понесло порывом ветра по кругу, по кругу, и чудилась тяжелая поступь горных соседей, и холодный резкий аромат гостей со снежных вершин, и дым костра, и веселые выкрики…

Первыми сдались остальные танцоры, и мы с молодым князем остались одни в большом кругу, образованном гостями. Ну а спустя некоторое время сдались и музыканты – им полагалось ускорять и ускорять темп, и они, непривычные к подобному разудалому веселью, вскоре утомились.

Гости восторженно захлопали, а Райгор отвесил мне галантный поклон, глядя с явной обидой.

– Что же, господин, – не удержалась я, – вы недурны в танце… Если б я не стерла подошвы до дыр, а музыканты не выдохлись, мы могли бы продолжить!

– Так сходите переобуйтесь и причешитесь, и продолжим, – не остался он в долгу. – Покуда вы заново соберете сноп, который по недоразумению именуете прической, музыканты как раз отдохнут.

Что правда, то правда – волосы у меня растрепались, ну так подумаешь…

Я перехватила взгляд старика Раве – он улыбался так, словно говорил: «Будь я лет на десять помоложе, ух и показал бы вам, как надо плясать «Кружева»!»

Приведя себя в порядок, я вернулась и на сей раз чинно уселась подле князя. Раве не было видно, Райгор танцевал с очередной красавицей – музыка играла медленная-медленная, видно, бедняги-музыканты и впрямь утомились…

– Ты не устала, дитя мое? – спросил князь. – Ты ведь непривычна к таким увеселениям, верно?

– Разве что самую малость утомилась, господин, – ответила я, не став говорить о празднествах у нас на перевале, когда, бывало, по несколько суток никто не смыкал глаз. А если кто уснет от усталости где попало, так его отодвинут в сторонку, чтобы не мешал и чтоб никто не наступил ненароком, укроют овчиной, да и продолжат веселье…

– Скажи, дитя, старый Раве рассказывал тебе о делах на перевале? – поинтересовался он.

– Да, господин, но разве я смыслю в подобном? – вздохнула я. – Он сказал, кое-где стало трудно проехать, а разбирать осыпи теперь некому.

– Верно, людей туда посылать… – Князь вдруг осекся, ну да я догадалась, что он имел в виду.

– Дядюшка Раве сказал, там волков развелась тьма, и презлющих.

– Верно… Даже на обозы нападают, ничего не боятся, – мрачно сказал он. – И охотники с ними справиться не могут. Кое-кто и вовсе не вернулся, а кто пришел назад, наотрез отказывается снова подниматься в горы.

Еще бы! Чутконосым положена плата за то, чтобы пропустили через свои владения, а если ее не отдать своей волей, они возьмут силой, и спасибо, если только вола или лошади лишишься! Ну а легколапые могут и сонным людям глотки втихую перерезать: пускай с ними уговора нет, но каждый знающий и им оставляет малую толику: не само подношение важно, а уважение. И сторожевые собаки не спасут: они свое место знают, и древний закон сильнее послушания

хозяину-человеку…

– Ведь этот перевал очень важен, господин, я верно поняла?

– Да, дитя мое. Это единственная дорога на ту сторону Заоблачных гор.

– Неужели нет другой дороги? – удивилась я, вовремя прикусив язык, чтобы не сказать – не такие уж они заоблачные, есть и повыше, отец рассказывал. И мы наши кряжи называли Грозовыми, если на то пошло.

– Отчего же, имеется и кружной, – усмехнулся князь. – Только занимает он без малого три месяца. А за эти три месяца пути чего только не может случиться. Обозы грабят… Впрочем, достаточно и проливного дождя, из-за которого они попросту завязнут в грязи! Лучше несколько дней с опаской идти по горному перевалу, чем три месяца кряду, а то и больше трястись за свои товары на равнине. И потом, не забывай, есть еще и обратная дорога!

Князь помрачнел, и я догадывалась, о чем он думает: теперь, когда за перевалом нет должного пригляда, идти по нему, наверно, еще опаснее, чем по равнине, в обход горного хребта. Какие там грабители! Оползни, коварные осыпи, лавины, обозленные чутконосые и многие, многие другие обитатели гор… А если вспомнить, что через перевал обычно шли обозы с зерном, которого, как я поняла, самим-то теперь хватало в обрез… Боюсь, не много прибыли приносили земли Сайтор!

И вот тут-то я и подумала… Вернее, думала я об этом и раньше, но сейчас мысль сделалась особенно ясной: что, если не было никаких разбойников и бедняга Ривон не увозил меня, раненый, спасаясь от погони? Что, если я была права и охрана обоза оказалась наемниками, только не какого-то слишком глупого постороннего любителя легкой наживы, а самого князя?

Ведь все сходится! Ни отец, ни его бойцы не заподозрили подвоха, гостей впустили (пусть я этого и не помню), а затем…

Я – последняя из рода Сайтор, и когда Райгор возьмет меня в жены, то перевал достанется ему. Не такой уж глупый план, если подумать! Добровольно отец меня не отдал бы, а князь не позволил бы сыну войти в наш род, об этом я думала не раз. Угрожать нам? Чем? Даже если Даккор не знал или не желал

верить, что у нас премного соседей в горах, все равно опытные бойцы отца справились бы с равнинными, пусть их было бы больше. Но то в честном бою!

Я – разменная монета. Нет, я знала, что мой долг – продолжить род хозяев перевала, но это совсем другое дело, а вот рожать детей Райгору мне вовсе не хотелось! Наверняка отец уже присмотрел мне жениха, а может, и нескольких, на выбор, и это были те, кто знал наши порядки и справился бы с моим приданым, потому как это все же не женское дело. И, повторюсь, силком за немилого отец бы меня не отдал. Будто выбрать было не из кого! Внуки и внучатые племянники старого Раве, дети других соседей – многих из них я знала, они бывали у нас, мы гостили у них…

Но чужак… Немыслимо! Горы могут принять чужака, если он придет с миром и желанием понять. Но если я права и если мою семью убили по приказу князя Даккора, горы отомстят. Если прежде этого не сделаю я сама…

Глава 4

Мне показалось, будто князь Даккор стал намного охотнее общаться со мной. Прежде он попросту не замечал меня, разве что время от времени интересовался, как я усваиваю всевозможные науки. Теперь же князь лично устраивал мне настоящие экзамены и часто беседовал со мной на самые разные темы, тратя на это немало времени. Я старалась не разочаровывать его, и, по-моему, он казался вполне удовлетворенным моими успехами. Вот только было непонятно, почему же раньше он не уделял мне столько времени? Возможно, считал еще слишком маленькой и неразумной? О чем говорить с такой, разве что о вышивании! Или причина была иной?

Спрашивать я не хотела, я ведь была послушной воспитанницей, а лишние вопросы – ненужные подозрения. Я полагала, что и так сумею разузнать, что потребуется, не привлекая к себе лишнего внимания. И верно: тут слово, там другое, и картина становилась все яснее.

Так бывает, когда в долине стоит настолько густой туман, что едва-едва различишь верхушки скал, а потом вдруг подует свежий ветерок. Сперва легкий, порывистый, он уносит прочь серые клочья, а когда задует в полную силу, то

можно разглядеть все до мелочей… Мой ветер пока был совсем слабым, но я надеялась, что он еще разгуляется!

Ну а Райгор все реже и реже появлялся дома. Отец теперь отправлял его к сопредельным правителям вместо себя, должно быть, чтобы сын как следует выучился тому, что придется делать, когда настанет его черед править. С возложенными на него обязанностями Райгор справлялся отлично, а что виделись мы нечасто, оно и к лучшему.

Так прошел почти целый год. Ничего не изменилось, только князь Даккор внезапно охладел к нашим с ним долгим беседам и все чаще теперь запирался в своем кабинете, не выходя оттуда сутками. Мне казалось, он с большим нетерпением ждет возвращения сына – князь справлялся о том, не вернулся ли Райгор, по несколько раз на дню.

По счастью, тот вернулся и в самом деле довольно скоро, и почти сразу же по замку разлетелся слух – князь тяжело болен. Райгор ходил чернее тучи, а личные княжьи слуги молчали, словно воды в рот набрали. Я несколько раз пыталась повидать князя, но всякий раз мне было отказано в приеме. В конце концов я перестала и пытаться, здраво рассудив – если ему угодно будет увидеть меня, он за мной пришлет.

Но время шло, князь не показывался из своих покоев, и ходили слухи, что осталось ему недолго. Делами заправлял теперь Райгор, как-то разом повзрослевший, и, хоть было ему непросто, жизнь в замке шла своим чередом. Больше он уж не уезжал надолго, но это меня мало тревожило: Райгору было не до навязанной невесты, и славно!

Теперь мне удавалось и побыть наедине с собой, и побродить по замку и службам: моя толстушка Мадита нашла себе ухажера и призналась как-то, чуть не плача, что это едва ли не последний ее шанс выйти замуж. Я чуть было не сказала, что такую крепкую и полнотелую девицу в наших краях любой бы без раздумий взял за себя, но смолчала. Мадита считала себя вовсе не симпатичной и говаривала порой, когда думала, что я не слышу: мол, вот подобралась парочка, будто нарочно искали: хозяйка – жердь белобрысая, а служанка – колобок чернявый! Заяви я, что она очень даже хороша собой, Мадита решила б, что я над ней насмехаюсь…

Так или иначе, но я делала все, чтобы помочь ей устроить личное счастье: отпускала хоть на весь день, хоть на всю ночь, лишь бы в комнатах было прибрано. Одеться и причесаться я могла и сама, а на стол подавал теперь пожилой слуга, которому не было дела до того, с каким таким поручением я отослала свою служанку.

Теперь я умела выбраться из господских покоев и проникнуть на задний двор. Собаки уже знали меня и даже позволяли гладить щенят, лошади помнили, что я приношу им угощение… Особенно полюбил меня один немолодой уже конь необычной масти: светлогривый, гнедой с проседью, с боками и крупом в мелких светлых пятнах – будто серебряные монеты по бархату рассыпали! Для него я всегда приберегала яблоко или кусок хлеба.

– Это когда-то любимый княжеский выездной был, – сказал мне конюх. – И то, масть редкая. Сколько ни пускали к кобылам – не родятся такие жеребята! Обычные, гнедые, серые в яблоко или сивые – сколько угодно, а чтоб гнедой в серебряное пятнышко – такого никто не упомнит…

– Теперь уж князю не до конных прогулок, – сказала я.

– Угу. Этот вот чует что-то, волнуется. – Конюх осторожно погладил коня, а тот сделал вид, что сейчас ка-ак цапнет наглеца за руку! – Не иначе скоро… Лошади с собаками всегда знают, когда с хозяином неладно.

Я кивнула и тоже потрепала жеребца по длинной челке.

– У вас, госпожа, не в обиду будет сказано, волосы как его грива, – сказал вдруг конюх, – и масть та же, и густота, и, похоже, такие же жесткие. Не трогал, врать не стану, но, сдается мне, вам бы лошадиный гребень пригодился, вот, держите, новехонький!

Надо же, подумала я тогда, первый комплимент в этом замке я услышала на конюшне… А гребень взяла и поблагодарила. Негоже не брать подарок, преподнесенный от души.

Уже у себя в комнате, глянув в зеркало, я с удивлением поняла, что конюх-то прав! Волосы мои по-прежнему напоминали сноп соломы, только старой, перезимовавшей, вымороженной до тускло-серебристого цвета… Но ведь рано

мне еще седеть!

Что Мадита ничего не заметила, понятно: не до того ей сейчас. Вдобавок погода стоит пасмурная и при дневном-то свете ничего толком не разглядишь, а уж при свечах и подавно. Я частенько жалела о светильниках из Сайтора, при которых и в лютую непогоду было светло, как днем: без них мы бы там в кротов превратились!

– Вот так дела, – сказала я своему отражению, как говорила уже не первый год, а оно будто бы едва заметно кивнуло, так играли тени. – Спросить бы хоть у дядюшки Раве, что это такое и почему приключилось?

Но написать старому рыцарю я не могла: не с кем было отправить послание. Здешние быстрокрылые меня не понимали, а людям я доверить свое письмо не могла. Да и, правду сказать, дядюшка Раве грамоте не слишком разумел, еще как разобрал бы написанное мною…

* * *

– Госпожа Альена! – Мадита настойчиво теребила меня за плечо. – Госпожа Альена, вставать пора!

– Угу, – пробормотала я, натягивая одеяло на голову. – Еще минуточку…

– Госпожа Альена, господин Райгор вас к завтраку ждет! – выпалила она, пустив в ход, похоже, последнее средство. – Если сейчас же не встанете, он разозлится!

– Что это ему вдруг в голову взбрело? – спросила я, сев на кровати. Я почти всегда ела одна в своих комнатах, так уж повелось.

– Не знаю, госпожа, но, сдается мне, он боится остаться нос к носу с гостьей, – хихикнула вдруг Мадита, поднося мне кувшин для умывания. – Слыхали же?

– Да, вроде бы приехал кто-то…

– Приехала! Княжна соседская, девица-краса… хотя коса у вас получше будет, – фыркнула она, а потом продолжила, понизив голос: – Все ведь знают, что старый князь-то болен, так что б не попробовать оженить господина Райгора? Вдруг отец передумает и даст позволение?

– Для этого ему нужно умом повредиться, а о таком я не слыхала, – ответила я.

– Ну так попытка не пытка… – Мадита выложила на кровать костюм для верховой езды и пояснила: – Господин Райгор велел надеть после завтрака. Я как раз успею почистить да отгладить, только вы там не слишком уж торопитесь, сами видите, сколько тут складочек да оборочек… И одного шлейфа мне на две юбки хватит! Ну ладно, на одну… и еще передник.

Правду сказать, это платье я надевала всего раз или два, а проехаться мне довелось только по двору, да и то лошадь вели под уздцы. Разрешение на каждую такую, с позволения сказать, прогулку приходилось выпрашивать подолгу, и мне это вскоре надоело. Хорошо еще наряд шили на вырост, иначе я бы в него теперь и не влезла…

– А что, Райгор затеял прогуляться верхом? – спросила я.

– Откуда ж мне знать, госпожа? Что велено, передала. Но уж наверно, не пешком же в таком платье ходить!

– Тогда, Мадита, как проводишь меня, сбегай на конюшню и узнай, что к чему, – велела я. – Если и впрямь готовится выезд, скажи, чтоб мне оседлали старого княжеского жеребца… Ну, конюхи знают.

– Так он бешеный…

– Ничего он не бешеный и меня хорошо знает. Делай, что сказано, а то гулять не отпущу, – фыркнула я. – Кстати… как там твой ненаглядный-то?

– Ох, госпожа, – тяжело вздохнула Мадита, расчесывая мою гриву. Я подсунула ей тот самый лошадиный гребень, а она и не заметила. – Ходит вокруг да около, вроде бы и хочет жениться, а вроде… не разберешь. Не знаю, госпожа, сложится или нет, я уж и сама не знаю, надо ли оно мне?

– Если не тянет, то и не надо, на такую, как ты, купец получше найдется, – не удержалась я.

– Скажете тоже!

– А что? Думаешь, если мне мало лет, так я ничего и не видела? – Я повернулась и посмотрела ей в глаза. – В моих краях тебя б вперед ветра замуж увезли! И люди не чета этому твоему… кто он? Лакей?

– Вроде того. Подай-принеси господам, – вздохнула она. – А ведь в годах уже…

– Вот-вот. И вообще, – добавила я, подумав, – ты чем-то на мою маму похожа.

– Да будет вам! – всплеснула руками Мадита, чуть не выронив гребень. – Придумали тоже, меня со своей матушкой равнять!

– Так говорю же похожа, не одно лицо. У нее волосы были светлые, как у меня, а глаза серые, туманные. А вот фигура – один в один твоя, так и тянуло прижаться потеснее, уж больно ладная и уютная, – улыбнулась я. – Отец очень ее любил. Жаль, сыновей им Создатель не подарил, но если бы не пожар… кто знает? Они ведь еще совсем молодые были…

– Госпожа… – жалобно произнесла она и вдруг порывисто обняла меня, совсем как мама когда-то, но тут же отстранилась, испугавшись собственной дерзости. – Госпожа, они… родители ваши, должно быть, смотрят на вас и радуются: какая умница и красавица выросла, скоро даже не княжной, а княгиней станет!

– Ты думаешь, мне это нужно? Райгор меня не любит и никогда не полюбит, да и я его вряд ли. И много ли радости от такого брака?

– Ну а детки как же? – тихо спросила Мадита. Я знала: детей она любит, очень хочет своих, но…

– А детей можно и безо всякого мужа нарожать, – сказала я по наитию.

– Госпожа! Да как вы о таком…

– Злых языков боишься? Мужа хочешь? Хоть плохонького, но законного? А каково с ним будет жить и детей растить, подумала? Может, из него отец вовсе негодящий выйдет!

– Вы, госпожа, говорите, будто бабка Ларины, знаете, кухарка наша… – Мадита утерла глаза тыльной стороной кисти. – Ларина частенько повторяет: бабка тоже все твердила – если на людей все время оглядываться, то самой-то когда жить? И зачем? Шагу лишнего не ступи, слова не скажи…

– Она не с перевала ли родом была? – спросила я.

– Кто ж ее знает? Ларина ее помнит-то едва-едва. Говорит, бабка как-то взяла да ушла из дома, а с кем и куда – не сказала. Так и не нашли. Но она в своем уме была, это уж точно: и припасов взяла, и вещи свои захватила, не босой на мороз убежала!

– Значит, позвало что-то… или кто-то. А если она еще говорила, что дети от любимого мужчины должны быть, чтобы и тебе, и им на радость, а в законном ты браке или нет – наплевать, значит, точно моя землячка. Что замолчала? Было такое?

– Ларина и такое поминала, но, говорит, только по родительским пересказам знает, – ответила Мадита и села на пол у моих ног. – Как так-то, госпожа? Вам, и верно, лет всего ничего, а рассуждаете… не всякая взрослая дама на такое сподобится.

– Они просто здешние, а я родом из других краев, – улыбнулась я. – Всякого наслушалась. К слову, у нас долго живут. Как знать, вдруг и бабка та еще жива-живехонька, сидит себе у очага какого-нибудь пастуха да прядет или его внучат уму-разуму учит?

– Когда она ушла, Ларине пяти годков не было, а мамка ее только-только третий десяток разменяла, так что, может, у Ларины где-то дядьки-тетки подрастают, – улыбнулась вдруг Мадита и прижалась к моему колену. – Ох, стыдно сказать, госпожа…

– О чем?

– Мне вовсе даже другой человек по душе, не тот, что женихается. Он попроще будет, зато моих лет, немного разве постарше. И я ему нравлюсь, видно же, только вслух не говорит. И ведь на лицо не сказать, чтоб хорош, а все равно… – Она шмыгнула носом. – Все равно тянет. Веселый он и не злой, не то что наш княжич… Ой, что ж я болтаю!

– Райгор и тебя к себе звал?

– Кого он только не звал… Хорошо, обо мне быстро позабыл, получше нашлись.

– Я знаю, девушки жалуются. – Я поправила волосы и встала. – Наверно, меня уж заждались. После договорим, если захочешь.

Мадита посмотрела на меня снизу вверх, кивнула несколько раз и принялась оправлять мне подол, хотя, право слово, в этом не было никакой нужды.

* * *

– Прошу извинить, я заставила себя ждать, – сказала я, войдя в малую трапезную.

Слуга почтительно придвинул мне стул, и я оказалась за столом как раз напротив княжны Айны. Та взглянула на меня со сдержанной усмешкой и продолжила обсуждать с Райгором какую-то великосветскую сплетню.

Она вышла к завтраку в легком утреннем одеянии и не прогадала: выглядело это весьма соблазнительно. Роскошные каштановые локоны в живописном беспорядке рассыпались по плечам, едва прикрытым полупрозрачной тканью, свободные широкие рукава, при каждом движении съезжавшие до локтей, обнажали красивые белые руки, унизанные тонкими браслетами – они издавали нежный перезвон. Княжна была диво как хороша!

Райгор сохранял полнейшую невозмутимость, княжна же не умолкала ни на секунду, переводя дух только для того, чтобы отщипнуть кусочек какого-нибудь лакомства.

– Сударь, а ваша маленькая невеста всегда так молчалива? – спросила она вдруг ни с того ни с сего, ласково улыбнувшись мне.

Маленькая? Смеется она, что ли? Я ведь, повторюсь, почти одного роста с Райгором, а Айна мне по ухо будет! Или она на возраст намекала? Она-то Райгору почти ровесница, а я на пять лет его моложе…

Райгор промолчал. Айна пристально смотрела на меня, явно ожидая ответа.

– Нет, отчего же, – медленно произнесла я, выбрав перепелку покрупнее. – Просто я не настолько озабочена своей фигурой…

– При чем тут фигура? – оторопела княжна, хлопнула ресницами и сделалась ужасно похожа на мою фарфоровую куклу, которая так и просидела все эти годы в уголке моей спальни.

– Ну так ведь если ни на секунду рот не закрывать, то много не съешь, а не съешь – не раздобреешь, – ответила я не без злорадства и с хрустом раскусила крылышко.

Мадита говорила, что княжна так бережет свою талию, что неделями, бывает, маковой росинки в рот не берет. Ну а мне, как говорится, не в коня корм: что там эти перепелки, я бы и окорок убрала в один миг…

– Да уж… – выговорила наконец княжна. – Вам-то уж худеть дальше некуда!

– Не переживайте, госпожа, – серьезно сказала я, – моя кормилица говаривала: пока толстый сохнет, худой сдохнет, уж простите за просторечие. Вы вполне можете дождаться, не так ли, господин?

Райгор очень удачно поперхнулся, а потом выговорил:

– Сударыни, не откажите в любезности… У меня выдалось немного свободного времени, так, может быть, проедемся верхом?

– Чудесно! – воскликнула княжна. – Обожаю верховую езду! Я только сменю платье…

По тому тоскливому взгляду, которым князь Райгор проводил прелестницу, я поняла – он рассчитывал, что она не пожелает отправляться на прогулку и хоть ненадолго оставит его в покое.

Я переоделась быстро, а княжну еще пришлось подождать. Право слово, за это время конюхи успели бы оседлать лошадей не только нам, но и целому отряду! Наконец княжна появилась во дворе в сопровождении своей свиты – это был настоящий цветник, красавицы всех мастей, но ни одна и в подметки не годилась княжне… Я невольно залюбовалась – это ведь суметь надо: так подобрать сопровождающих, чтобы и окружающих затмевали, и оттеняли прелесть своей повелительницы!

– Наконец-то! – произнес Райгор. – Мы вас заждались, госпожа! Едем?

– А… – княжна огляделась в недоумении. – Только три лошади?.. А как же…

– Княжна, это же не парадный выезд, – поморщился Райгор. – Мы всего лишь прогуляемся до рощицы и обратно.

Айна, подхватив подол, подошла к своей хорошенькой белой лошадке, явно рассчитывая на то, что Райгор бросится ей на помощь. Он так и поступил, а меня подсадил в седло конюх, хотя я и сама бы справилась.

Мой жеребец перебирал передними ногами и фыркал, вдыхая свежий ветер, и я чувствовала – ему не терпится полететь во весь опор!

– Погоди, – попросила я, наклонившись к его уху. – Мы им еще покажем, только не торопись, ладно?

Серебряный – так его называл князь Даккор, наверно, за масть, – согласно фыркнул и покорился.

Мы шагом выехали за ворота, миновали предместья, спустились с холма, на котором стоял замок, на равнину. Княжеские телохранители следовали за нами на почтительном отдалении.

День выдался изумительный, по-осеннему холодный, но солнечный. Я очень давно не садилась верхом и тем более не выезжала из замка, а сейчас подо мной играл могучий конь, с деревьев осыпались золотые листья, а неяркое осеннее солнце пригревало почти по-летнему… Сейчас бы хоть на моей кобылке пуститься вскачь, она была куда как резва! А если дозваться быстроногого или, страшно сказать, далекоглядящего – кое-кому удавалось их оседлать – и ринуться вперед, чтобы ветер бил в лицо, чтобы дух захватывало от бешеной скачки… Но куда там!

Белая кобыла княжны вышагивала, будто в похоронной процессии, Айна же не желала ее подогнать. Ясно, Райгору это пришлось не по нраву: я была наслышана, он привык носиться сломя голову.

– Альена, как только ты решилась оседлать это чудовище? – вдруг обратился он ко мне.

Его караковый жеребец сунулся было к моему, но Серебряный злобно всхрапнул, и тот отступил.

– Почему вдруг чудовище? – удивилась я.

– Серебряный всегда слушался только моего отца. Я сам не рискнул бы сесть на этого коня!

– Неужто? – Я заставила того описать круг. – Быть может, просто не находилось наездников, равных вашему отцу?

– Возможно… Не желаешь ли помериться силами? Я дам вам фору: мой жеребец моложе, а ты к тому же плохо держишься в седле.

– До вон того дерева? – указала я вдаль. Там высился раскидистый кряжистый дуб.

– Да!

Райгор смотрел как-то странно, будто ждал, что я испугаюсь и откажусь… Или нет? Может быть, он хотел, чтобы я свалилась с коня и свернула себе шею? Но

он ведь не знал, по каким кручам я носилась на своей мохнатой лошадке… Правда, в дамском седле сидеть было не в пример неудобнее, чем в мужском или вовсе без него, но я была уверена – Серебряный не позволит мне упасть.

– Тогда на счет «три», – сказала я. – Раз… два…

Я ударила каблуком в бок Серебряного еще на счет «раз», и застоявшийся жеребец взял с места в карьер. Я слышала, как за моей спиной замешкавшийся Райгор разбойничьим свистом подгоняет своего коня. Он настиг меня на полпути и даже сумел обойти, но Серебряный соперников не жаловал: свирепо заржав, он на всем скаку ухитрился вцепиться жеребцу Райгора в плечо, и тот шарахнулся в сторону, проиграв полкорпуса… Сразу видно, этого коня обучали не для прогулок, а для боя!

К старому дереву я пришла первой и еще подождала Райгора.

– Надо же, а старик еще хорош! – сказал он, когда мы неспешной рысью двинулись назад.

– Какой же он старик, он еще в самом расцвете лет, – улыбнулась я, похлопав Серебряного по шее.

Эта скачка ему была нипочем… Еще несколько лет назад он подолгу мог нести всадника – тогда князь Даккор сам объезжал свои владения и, поговаривали, сутками не покидал седла. Меня же, наверно, Серебряный вовсе не ощущал на спине!

– Признаю поражение, – Райгор остановился рядом. – Гляди-ка, а вот и госпожа Айна…

Вид у княжны был довольно-таки жалкий: заботливо расправленный на лошадином крупе шлейф сбился комом, локоны развились; к тому же прелестная княжна оказалась изрядно запорошена пылью.

– Отличная прогулка, не правда ли? – осведомился Райгор, сверкнув улыбкой.

– Да-да, великолепная, – отозвалась княжна несчастным голосом. – Может быть, пора уже возвращаться?

– Да, пожалуй, – сжалился Райгор. – Альена, как ты смотришь на то, чтобы повторить?

– Как вам будет угодно, – отозвалась я. – До ворот замка?

– Да!

Райгор дал шпоры своему коню, а я придержала Серебряного, шепнув ему на ухо:

– Он должен выиграть, иначе потом не даст нам жизни. Уж переживем, а? Ты его каракового обойдешь как стоячего, верно ведь? Только не теперь!

Конь согласно проржал и скакнул в сторону, сделав вид, будто напугался вороны, а потом пошел ленивым галопом, так что у ворот Райгор оказался задолго до нас.

– Да, рано я его похвалил, – протянул он, взглянув на Серебряного. – Совсем выдохся старик!

Тот только фыркнул: он и разогреться-то толком не успел, спина вон почти сухая… Но конь ничего не мог сказать, а я ответила:

– Должно быть, мне повезло случайно, господин.

Княжну с лошади снимали втроем, а подоспевшие девицы из ее свиты увели красавицу под руки: видно, она не привыкла к таким прогулкам. Райгор отправился провожать ее, а я заглянула на конюшню, где как раз расседлывали Серебряного.

– Хорош, а, госпожа? – спросил конюх.

– Диво, как хорош!

– Говорят, не простых кровей конь. Вроде как еще старый князь, отец нынешнего, пустил кобылку на лужок, где быстроногие паслись… – Он вдруг осекся, взглянув на меня с испугом.

– Я знаю, кто это, – сказала я и протянула руку. Серебряный ткнулся мне в ладонь мягкими губами. – Тогда ясно, почему он такой. И почему только одного хозяина слушался.

– Он, госпожа, старше вас вдвое, если не больше, а на одра вовсе не похож, – шепнул конюх, оглянувшись, не слышит ли кто. – И верно, кроме князя, никому на себя сесть не дозволял. А раз вам покорился, то, похоже, признал… ну…

– Свою? Наверно. – Я снова погладила коня. – Береги его.

– Это само собой… Госпожа, дозвольте спросить? – Он помялся, комкая шапку в руках. – Мадита ведь вам прислуживает?

– Верно. А что?

– Да понимаете ли… очень уж она мне по нраву, – выговорил конюх. – И смешливая, и сметливая – как ответит, словно копытом в лоб получил! И собой справная, и добрая, и красивая… только я ей не люб. Хоть смеется моим шуткам, а руку не протяни… Уж простите, госпожа, что я так запросто, но вдруг вы знаете: может, она сговорена уже? Я б тогда отстал, но…

– Не сговорена, – ответила я и улыбнулась. – Тебя, должно быть, ждет.

– Уж прямо?..

– А я будто знаю, кто еще за ней ухаживает? Раз на лицо не особо хорош, зато веселый и не злой, ее лет, разве что немного постарше… стало быть, ты, – пожала я плечами. – Только она никак не решится, а ты тоже сено жуешь, нет бы прямо сказать, что Мадита тебе нравится!

– В самом деле?

– Зачем мне врать-то? От нее слышала как раз нынешним утром.

– Ох… – Конюх схватил Серебряного за гриву, и тот недовольно фыркнул. – Ну ничего… ничего… Спасибо, госпожа!

– Да было б за что, – улыбнулась я. – Не тяни, а то уведут такую красавицу, будешь локти кусать!

– Непременно, госпожа! В смысле тянуть не стану, а решусь, и…

Тут он глубоко задумался, наверно, придумывал, что бы такое сказать Мадите, а я погладила коня на прощание да и ушла.

К себе я возвращалась в самом распрекрасном настроении и даже не заметила, когда три пышно разодетые девицы успели заступить мне дорогу. Я узнала спутниц княжны Айны и попыталась обойти их – в этом коридоре и вдесятером можно было разминуться, и еще бы место осталось, но не тут-то было, они вовсе не собирались меня пропускать.

«Ну, постою, на бал не опаздываю, на пожар не тороплюсь», – подумала я и принялась ждать, что будет дальше.

– Посмотрите, дорогие, кого это мы встретили? – довольно скоро не выдержала одна из них.

– Какой хорошенький мальчик! – пропела вторая. – Только почему он в девичьем платье? Да еще фальшивую косу прицепил…

– Что ты, что ты, это не мальчик, – вступила третья. Я, признаюсь, не могла взять в толк, чего они добиваются, а потому пока помалкивала. – Это девушка… только больно уж страшненькая!

– Таким не место в княжеском замке, – подхватила первая. – Надо же, что такому пугалу в голову взбрело – на чужих женихов зариться!

Я могла бы заметить, что дело обстоит с точностью до наоборот, и это как раз их прелестная госпожа положила глаз на моего жениха, но решила, что отвечать таким – себе дороже. Язычки у них острые, а я к дамским перепалкам непривычна, этак вот выругаю их, как дома ругались, а мне же потом и

достанется за сквернословие. Ну, если они сумеют пересказать, как именно я их назвала…

– Дайте-ка глянем, правда ли у нее коса из пакли?

Это первая, заводила, поняв, что не дождется от меня ответа, быстро шагнула навстречу, явно нацеливаясь вцепиться мне в волосы.

Драться с ними не хотелось, но не убегать же? И замок, как нарочно, будто вымер! Я ведь говорила: прежде, стоило мне шаг без позволения сделать, как немедленно являлся какой-нибудь слуга и препровождал в мои покои, а теперь… Неужто это было распоряжение князя Даккора, а Райгор его отменил? Что ж, вовремя он это сделал, ничего не скажешь!..

Девушка потянулась ко мне – я сделала шаг назад, потом еще один и еще… Она до того забавно размахивала руками, совсем как глупый котенок, пытающийся поймать бантик на веревочке, и всякий раз не доставала до меня самую малость. И до такой степени увлеклась, бедняжка, что совсем позабыла – позади меня лестница. Мне что, я когда-то по утесам лазала и прекрасно чувствовала, что у меня за спиной и под ногой, так что вовремя подобрала юбку и повернулась, пропуская зачинщицу мимо себя.

Она ойкнула, шагнув в пустоту, нелепо взмахнула руками, но не удержала равновесия и с коротким взвизгом полетела вниз. Спасибо успела схватиться за перила и отделалась, похоже, легким испугом и ушибами.

Две другие кинулись то ли ко мне – вершить возмездие, то ли к товарке на помощь, но я ведь упоминала, что с детства привыкла шнырять под ногами у танцоров? Вот и теперь я прошла ровнехонько между девушками, они, наверно, почувствовали только ветерок, всколыхнувший их пышные юбки. Спасибо сами с лестницы не загремели: мне очень хотелось подтолкнуть девиц, там всего два шага оставалось, но я побоялась их покалечить. Вряд ли они по собственному почину затеяли эту склоку, наверняка ведь приказ выполняли… И не выполнили, а стало быть, им достанется от хозяйки. Только сломанных ног и рук им для полного счастья и не хватает!

– Ты… – Одна из них завертела головой, обнаружила меня у себя за спиной, уже на приличном отдалении, и попятилась. К счастью, не к лестнице, к стене, на это

ей соображения хватило. – Как ты это…

– Сказано же, она не та, за кого себя выдает! – воскликнула вторая. – С виду девица, а ростом с мужчину… И верхом скачет лучше самого господина Райгора, хотя чуть не впервые в седло села, да на княжеском жеребце… И сейчас! Ты хоть заметила, как она это сделала? И с нами, и с Азилью?

– Нет… Нет! Только что была перед нами и вдруг исчезла… И вот она, сзади!

Я хотела сказать, мол, если они такие неприметливые, то в свите важной особы им делать нечего, но прикусила язык. Равнинные жители вообще медлительные, а я так и не привыкла к этому за несколько лет.

– Никогда, слышишь, никогда господин Райгор не возьмет тебя в жены, и думать забудь! – добавила вторая, обращаясь ко мне. – И не зыркай, не сглазишь, нелюдь!

Я так ничего и не ответила, ушла молча. А что тут придумаешь?

Но неужто они решили, будто я колдунья, как в сказках? Очаровала Райгора, чтобы выйти за него замуж? Небось и Сайтор сама сожгла, и сиротой нарочно осталась, лишь бы заполучить такое счастье!

– Госпожа, случилось что-нибудь? – встретила меня Мадита. – Вид у вас больно смурной…

– Ничего особенного, – покачала я головой и принялась расстегивать платье. Все-таки оно уже было мне тесновато: этак, глядишь, годам к восемнадцати возьму да обзаведусь формами попышнее, чем у Айны!

Глупая мысль меня немного развеселила, но веселья хватило ненадолго. Верны ли мои догадки? Наперсницы княжны действовали, скорее всего, по ее приказу, но вот был ли отдан этот приказ с молчаливого попущения Райгора или нет? Как узнать? Не спросишь же напрямую…

Глава 5

Как выяснилось, слухи дошли до Райгора очень быстро, даже слишком, на мой взгляд. Тем же вечером он вызвал меня в кабинет – отцовский, конечно же, своим не обзавелся, да и зачем?

– Господин, вы желали меня видеть? – спросила я войдя.

– Не хотел бы – не позвал, – лаконично ответил он.

Я припомнила: когда я впервые его увидела, он вот точно так же стоял у окна, только тогда в большом массивном кресле сидел князь Даккор.

– Я думал, может, ты знаешь, почему княжна Айна пребывает в крайне скверном расположении духа, – произнес Райгор, – а в ее свите не хватает трех девушек?

Не хватает? Можно подумать, я их в кровь избила!.. Или Айна так обозлилась на них за проваленное поручение, что отослала с глаз долой? А Райгору что за дело до них, пересчитывал он их, что ли? (Может, и пересчитывал, припомнила я его необыкновенное сластолюбие, глядел, которую еще не попробовал.)

– Не понимаю, о чем вы, господин, – сказала я. – Свиту княжны я видела только до прогулки, во дворе.

– Вот как… А после?

– Я ушла к себе и не выходила до тех пор, как вы за мной не прислали. Вы ведь знаете, что мне не положено разгуливать по замку, – не удержалась я.

– Да, и хорошо, что ты соблюдаешь это правило, – ответил он и добавил неожиданно: – Но, быть может, тебе скучно взаперти? Дома, полагаю, ты вела более вольную жизнь?

– Я этого почти не помню, господин, – вздохнула я и потупилась. – А здесь меня научили тому, как пристало вести себя знатной девице.

– Но на конюшню ты тем не менее ходишь, когда думаешь, будто тебя никто не видит, – сказал Райгор и полюбовался выражением моего лица.

– Отчего же, – произнесла я, помолчав, – я прекрасно знаю, что за мной есть пригляд. Но я говорила вашему батюшке, что скучаю по лошадям и собакам, а раз мне не запретили навещать псарню и конюшню, значит, он отдал соответствующее распоряжение, я не ошибаюсь?

– Не ошибаешься. И ты мне солгала. – Он подошел ближе и уставился мне в глаза. Наверно, если бы он мог нависнуть надо мной, вышло бы внушительнее, но для этого ему пришлось бы встать на скамейку. – Ты повстречалась с теми тремя девушками из свиты княжны как раз после прогулки.

– Неужели? – старательно удивилась я. – А я и не заметила, мало ли в замке народу. Хм… А ведь и в самом деле, господин, я проходила мимо каких-то девушек. Они стояли и о чем-то шушукались возле самой лестницы, и мне пришлось, право слово, протискиваться между ними – своими юбками они перегородили весь коридор! Вероятно, вы говорите о них?

– А как они выглядели, ты можешь сказать?

– Я не присматривалась, господин, – покачала я головой. – Помню, они были нарядно одеты, и только. Ах да, какая-то из них пошутила, мол, я похожа на юношу в женском платье, а другая сказала что-то о моих волосах, но, право, я так славно провела время на прогулке, что пропустила это мимо ушей.

– Вот, значит, как, – непонятно произнес он и потер переносицу. – Дошутились, значит…

– О чем вы, господин?

– А? Нет, ничего особенного, просто мысли вслух… – Райгор помолчал, потом спросил: – Альена, ты ведь плохо знаешь наш замок?

– Почти совсем не знаю, господин. Только те места, куда мне дозволено ходить.

– Пойдем, – он подал мне руку. – Покажу тебе кое-что.

Приглашение было необычным и, признаюсь, встревожило меня. Что собрался показать мне Райгор? Неужто какой-нибудь каземат или комнату в башне, в которой мне предстоит коротать жизнь и откуда я уже так просто не выйду?

Наверно, мысль о побеге закралась мне именно в тот миг… Но куда бежать? Разве что к старому Раве, но он меня защитить не сумеет. Значит, на перевал, вот только добраться туда ох как нелегко... И тем не менее я решила обдумать это как следует.

Мы шли длинным темным коридором: по углам безмолвной стражей стояли рыцарские доспехи, будто пустые оболочки некогда давно почивших воинов, этакие скорлупки, из которых вылупился человек… либо вылетел его дух. Со стен смотрели потемневшие от времени портреты: порой не разобрать было, кто изображен на холсте: дама или кавалер. Признаюсь, я бы с интересом поразглядывала старинные наряды, но факелы давали чересчур мало света, да и лампа, которую нес перед нами слуга Райгора, не слишком выручала. Я снова вспомнила наши светильники и вздохнула: поищи их теперь в пещерах и уговори вернуться домой… если будет он, тот дом!

– Картинная галерея, – зачем-то пояснил Райгор, хотя это и так было понятно. – Но тут любоваться нечем, все мои предки на одно лицо, только одежда и разнится.

– Я слышала, ваша матушка была исключительно красива, – сказала я, чтобы не молчать.

– Да, так говорят. К сожалению, прижизненных ее портретов нет, а посмертные… на них можно изобразить что угодно. – Он остановился у большого, в человеческий рост, полотна. – Вот она со мною. Эй, поднеси лампу поближе!

Слуга повиновался, и я разглядела изящную миловидную женщину, темноволосую, с нежным румянцем. Она стояла подле столика с охапкой сирени на нем, а совсем маленький мальчик возле ее колен одной рукой держался за палец матери, другой же тянулся к цветам. Картина показалась мне милой, какой-то домашней и уютной, но слишком уж… зализанной, что ли? На лице княгини не читалось ни тени мысли, разве что легкая скука, поза ее была неестественной… Ну а дети такого возраста вряд ли могут изобразить

танцевальное па, стоя на одной ножке. Не сомневаюсь, художник пытался передать при помощи кисти и красок, как маленький Райгор увлеченно пытается добраться до душистой сирени, но перестарался. Сомневаюсь, что такой ребенок мог позировать иначе как на руках у матери или кормилицы, вот и вышло… то, что вышло. И, право слово, букет и дремлющая у ног княгини собака удались мастеру намного лучше, чем она сама!

– Уверен, лет через двадцать никто, не взглянув на табличку, не догадается, что тут изображен мальчик, а не девочка, – сказал Райгор, указав на обилие кружев на ребенке. – Впрочем, парадный матушкин портрет еще хуже. Там только и разглядишь что платье и драгоценности, а лицо… как у всех.

Он обвел широким жестом другие портреты, а слуга, повинуясь этому жесту, поднял лампу повыше, освещая их. Из темноты выплыли бледные лица, и впрямь почти неразличимые, будто маски… хотя о чем я, маски бывают очень выразительны! Здесь же разнились прически и одеяния, но пустые взгляды и одинаковые позы заставляли думать или об окружившей тебя толпе близнецов, или о мороке – водится такой в дальних скалах, прикидывается другом или знакомым, шаг к нему сделаешь, а он уже у тебя за спиной или где-нибудь сбоку, в отдалении, и зовет, манит… Бывало люди так с обрыва падали, особенно те, кто не знал, что обитает на нашем перевале.

– Говорю же, ничего интересного, – обронил Райгор и поманил меня дальше. – Идем.

Высокие двери со скрипом отворились, изнутри зала потянуло затхлым холодом и почему-то металлом. И еще чем-то смутно знакомым…

Слуга зажигал факелы – здесь было совсем темно, и, чувствовалось, сюда редко кто-то заглядывает. Судя по слою пыли на полу, и убирались тут нечасто.

Зал оказался большим, не менее трапезного, наверно, и шаги наши должны были отдаваться гулким эхом, но звуки почему-то гасли в тишине.

– Полюбуйся, – негромко произнес Райгор, и я, присмотревшись, невольно шарахнулась в сторону, потому что… – Испугалась? Не бойся, это все равно что статуя. Хорош, а?

Над нами нависал гигант в полтора человеческих роста; одна рука его была в обхвате не меньше меня, и то ниже локтя…

– Что это? Откуда оно тут? – прошептала я.

– Это зал трофеев, так мы его называем, – ответил Райгор и огляделся. – Смотри, тут есть еще подобные твари, правда, не целиком. Этот-то небольшой, его удалось доставить не повредив, а есть такие, что сюда их и затащить не получилось бы.

– Вы хотите сказать, господин, что вот это… создание было когда-то живым?

– Еще каким живым, – усмехнулся он. – И скажу я тебе, не так-то просто изловить каменного великана!

– Как вообще можно справиться с таким чудовищем? Не представляю…

– Убить его почти невозможно, никакие копья и стрелы не возьмут каменную шкуру. Поэтому способ только один – заманить в ловушку, – спокойно ответил Райгор и похлопал застывшего гиганта по руке. – Эти твари, как ни странно, вспыльчивы, и если охотник окажется достаточно хитрым и выносливым, то сумеет ускользать от своей скромной добычи до самого рассвета. Великаны, понимаешь ли, обращаются в камень, стоит первым солнечным лучам коснуться их тела. Не успеет спрятаться – значит, не повезло… Этот вот мой, – добавил он, кивнув вверх. – Мелковат, но другие что-то осторожничают, удалось выманить только такого.

– Поражаюсь вашей храбрости, господин! – выговорила я, приглядываясь к великану. – А можно его потрогать?

– Конечно. Он же каменный, не укусит.

Разбирать насечки на ощупь было проще, чем вглядываться в них, рискуя напутать в неверном освещении. Три кольца вокруг запястья – третий сын в семье, выше – два зубца и полумесяц рогами вниз… клан Гартараг, верно. И еще мелкие зарубки – младшая ветвь рода… Как же его звали? Или по молодости лет его еще не брали к нам? Горномогучие растут и взрослеют медленно, как скалы,

и этот отпрыск славного клана, наверно, мог считаться моим ровесником…

«Если удастся, я сообщу твоим родичам», – мысленно сказала я ему и двинулась за Райгором, осторожно прикасаясь то к отломанным каменным рукам, то к головам. Не все знаки удавалось разобрать, вдобавок я опасалась слишком задерживаться – мой интерес мог показаться подозрительным. И все же кое-что мне удалось узнать и накрепко запомнить.

– Иди сюда, Альена, – услышала я, – оставь эти булыжники, тут есть кое-что поинтереснее!

Я пошла на зов, а по пути едва не шарахнулась от огромной тени. Это был не великан, нет, а колоссальных размеров череп.

– Это добыча основателя нашего рода, Дангора Керриска Отважного, – сказал Райгор, глядя на него. Даже представить не получалось, каких размеров должен был быть зверь, чьи останки хранились теперь в этом склепе! – Больше никому не удавалось не то что добыть, а даже увидеть такое чудовище. Вполне возможно, это был последний такой зверь…

«Не последний, – ответила я про себя, запрокинув голову и глядя на частокол зубов, каждый из которых был побольше меня размером, – только ты не справился бы с ним, даже если бы сумел отыскать. Я их видела только издали, так высоко, что можно было принять за птиц».

– А здесь что, господин? – спросила я, чтобы не молчать. Мне было не по себе в этом мрачном зале.

– Это? Маски оборотней, – сказал он и взял одну в руки. – Их я тоже не встречал, но, говорят, они могут принять любой облик по своему желанию. Еще я слышал, что, если сорвать с оборотня маску, он тут же умрет. Вот эту сшиб стрелой мой прадед. Рассказывают, оборотень тут же закрылся руками и рассыпался снежной пылью, только одежда осталась. Наверно, они так ужасны на вид, что боятся показаться в истинном обличье!

Внутри у меня все заледенело.

Среброликие никогда не снимают масок. Никто не знает, что под ними, никто не видел их настоящих лиц, если у них и впрямь есть лица. Их маски, у кого блестящие, у кого матовые, могут отражать чувства. Я хорошо помнила: когда среброликие приходили к нам на празднества, они улыбались, а когда являлись к отцу по делам, были серьезны, а иногда и рассержены.

Та, которую держал в руках Райгор, принадлежала совсем юной среброликой. Как у людей на лицах с годами появляются морщины, так и линии узоров на этих масках становятся все глубже и глубже, и двух одинаковых не сыскать даже у близнецов – хоть одной черточкой, но они будут разниться. Я не знала, правда, для чего нанесены эти сложные рисунки: может, это знаки рода, как насечки на руках у горномогучих, а может, они сделаны просто для красоты и для того, чтобы посторонние могли различать среброликих… Я не успела этого узнать, поскольку видела их, повторюсь, только на праздниках да когда они являлись по делам (а тогда не до таких расспросов), не представляла, могут ли эти создания существовать без своих личин, но хотя бы разбирала, женскую маску вижу или мужскую.

Эта выражала недоумение: уголки рта были опущены, прорези для глаз немного прищурены, а на щеке виднелась отметина – должно быть, в это место угодила тяжелая стрела, сорвавшая маску с хозяйки.

И запах… Вот какой запах померещился мне, когда распахнулись двери зала! Именно он всегда исходил от среброликих – холодный, резкий, но не неприятный. Так пахнут раскаленный металл и лед на горных вершинах, где они обитают, так пахнет после сильной сухой грозы, когда небо изорвано молниями, а дождь не пролился и волосы трещат и искрятся, стоит их коснуться… Это сильный аромат, тревожный – так и кажется, что, если дотронуться до среброликого, в тебя ударит молния! Но нет: сколько раз я хваталась за руки их юнцов во время пляски, сколько раз старики держали меня на коленях – ничего не происходило.

А чтобы такой запах стоял в этом просторном зале, нужно было собрать здесь много, очень много масок…

Я посмотрела по сторонам. Глаза уже привыкли к полумраку – факелов не хватало, чтобы осветить весь зал, – и я удостоверилась, что права.

– Эти оборотни так опасны, господин? – спросила я.

– Судя по рассказам, очень. Говорю ведь, они способны принять любой облик, подменить кого заблагорассудится… – Райгор коснулся маски у меня в руках и вдруг предложил: – Примерь, Альена!

Я недоуменно взглянула на него: он что, всерьез?

– Неужели тебе не любопытно?

– Но она ведь мужская! – сделала я попытку отказаться.

– С чего ты взяла?

– Обычно дамские – с украшениями, перьями, как на картинах, которые вы мне показывали, а эта совсем гладкая…

– Ну и что? Я же прошу просто примерить, а не носить постоянно.

– Я понимаю, но все равно это как-то… – Я взглянула на маску. – Неприятно…

– Что в этом неприятного? Носим же мы одежду из шкур убитых зверей, верно? И дамы вплетают чужие косы в прически, так чем эта вещица хуже? Тем более ей уже много лет.

– А что, если она проклята? – шепотом произнесла я. – Так вот надену и сама превращусь в чудовище.

– Тогда мне придется тебя убить, – совершенно серьезно произнес Райгор, но тут же рассмеялся: – Шучу, шучу. В самом деле, положи эту бесполезную штуковину!

– Зачем же их столько добыли, если от них нет никакого проку? – не удержалась я. – Чучела и статуи с черепами хотя бы выглядят грозно, а это просто маски, таких любой серебряных дел мастер начеканить может…

– Если бы они в самом деле были серебряными, мои предки бы разбогатели, – ответил Райгор, – но это не серебро, а разобраться удалось не сразу. А если бы такие маски можно было бы переплавить на клинки, наши бойцы стали бы непобедимы! Но увы, этот металл не плавится даже в самом жарком горне… Что там, его даже поцарапать нельзя!

«А как же эта отметина?» – чуть не спросила я, но смолчала. Похоже, Райгор не видел глубокой оспины на гладкой щеке маски, а раз так, то и незачем говорить об этом.

– Надень, – предложил он снова. – Сам я никогда не видел снежных оборотней, только рассказы слышал, а взглянуть хочется. Говорят, они еще встречаются на перевале, но я так ни одного и не нашел. Только вот великана поймал: он там копошился зачем-то, камушки собирал в кучу, каждый величиной с мою голову.

Не собирал, разбирать помогал, поняла я. Только старшие успели скрыться, а он, должно быть, замешкался, или отстал от своих, или полюбопытствовал, кто это там явился. Теперь уже не узнать, что случилось: Райгору веры нет. Он видит только чудовищ, и скажи я ему, что…

– А ты не слыхала о таких тварях? – перебил он мои мысли. – Ты ведь жила на перевале!

– Не припоминаю, господин. – Я сделала вид, будто задумалась. – Сказок много рассказывали, но это ведь не то? А от отца я только про волков слышала: когда их слишком много становилось, тогда охоту устраивали. Еще о том, что какая-то большая птица повадилась ягнят с верхних пастбищ таскать. А про оборотней и великанов… нет, не помню.

– Точно?

– Говорю ведь, только старухи в сказках о них рассказывали. И еще о снежных червях: задует такого в ухо, а он голову изнутри выест и дурачком человека оставит, поэтому без шапки на холоде ходить нельзя, особенно если ветер сильный, – быстро присочинила я. – И о зимних призраках: когда сильный мороз стоит, а потом солнце выглядывает, над ледниками воздух дрожит, кажется, будто там бродит кто-то.

– Понятно. Ну, примерь, да пойдем отсюда, – улыбнулся он. Глаза у него остались холоднее льда.

Я вздохнула и поднесла маску к лицу: ясно было, Райгор не выпустит меня отсюда, пока я не выполню его требование. Но зачем ему это? Посмеяться надо мной? Или в самом деле… убить? Этак вот заявит, что я забрела в этот зал, взяла маску без спросу и надела, чтобы пошутить. Ну а он в потемках не разобрал, кого видит перед собой… Складно ведь! А может, он и впрямь надеется, что я стану чудовищем и меня можно будет прикончить со спокойной совестью?

А вдруг я и в самом деле превращусь в одну из них? Маска прирастет к моему лицу, станет моим лицом – не навек, лишь до тех пор, пока ее снова не сорвут, а я не рассыплюсь снежной пылью…

«Прости, – попросила я незнакомую сребролику́ю, поднимая руки, – не по своей воле я делаю это».

Холодный металл коснулся лица, и я прикрыла глаза, а когда открыла, чтобы взглянуть сквозь прорези маски…

Мир изменился.

Зал больше не был темным, он сиял и переливался, будто зимние радуги над далекими горами – их часто видно было с перевала. Райгор, слуга, огни факелов и лампы светились ярче всего, золотым, малиновым, багровым, как угли в очаге, а все прочее кругом казалось фиолетовым и синим, изумрудно-зеленым и серебристым, и даже тени не были непроглядно-черными, они едва заметно мерцали и словно шевелились…

– Ну что, еще не превращаешься? – ворвался в мои мысли голос Райгора.

– Нет. – Я быстро сняла маску, положила на место и принялась растирать себе щеки. – Какая она холодная, просто ужас до чего!

– Да, здесь нежарко, металл остыл, – кивнул он. – Ну что ж, идем?

– Как скажете, господин, – ответила я, а когда Райгор отвернулся, быстро сунула маску в глубокий карман юбки, обмирая от собственной дерзости.

К счастью, он ничего не заметил. А может быть, сделал вид, будто не заметил…

Уже в своих покоях, отпустив Мадиту (кажется, конюх все-таки сподобился прямо сказать, что она ему по нраву), я вынула маску, чтобы рассмотреть как следует.

Она по-прежнему была обжигающе холодной, словно не пролежала все это время в моем кармане, близко к телу. Любой металл уже нагрелся бы, но только не маска.

Мне показалось, будто тонкий, едва намеченный рисунок немного изменился, а линии его чуть заметно мерцают и словно бы пульсируют, но, скорее всего, это была просто игра моего воображения и отсветы свечных огоньков.

Интересно, а какой меня увидел Райгор в этой маске? И какими видят свои отражения сребролики, если вообще отражаются в зеркалах?

Знаю, выдавать себя за одного из них смертельно опасно: я помнила легенду об одном пылком юноше, влюбившемся в юную сребролику, в ее голос и смех, грацию движений и дивной красоты фигуру. Ясное дело, ее соплеменники никогда не жили меж людьми, нечего и думать было просить ее выйти замуж за простого смертного!

Тогда юноша нашел знаменитого ювелира в далеком-далеком краю, мастера, который умел выковать птице крыло взамен сломанного, каждую тонкую косточку, каждое перышко… Жаль только летать с ним птица не могла, но взглянешь – и не отличишь от настоящего!

Мастер выковал ему маску из чистейшего серебра, отполировал ее и отчеканил узоры. Юноша понимал, что долго притворяться у него не выйдет: ведь маска не станет меняться по настроению и с возрастом, как у настоящих сребролик, но надеялся хоть недолго побыть рядом с возлюбленной.

Его пытались отговорить от безумной затеи, но куда там! Надев маску и в точности такую одежду, как у сребролико, он ушел в горы, и никто больше не видел его живым. Участь его оказалась незавидной: по весне его тело нашли на леднике. Было оно черным и скрюченным, как случается с умершими от страшного холода, и иссохшим. Маску так и не смогли снять – она будто приросла к лицу, а что пугало больше всего – приобрела черты несчастного юноши, искаженные одновременно запредельным ужасом и бесконечным восторгом…

Должно быть, бедолага нашел сребролико, а они пригласили незнакомца в свой круг и затанцевали насмерть, как это у них водится. Возможно, даже не карая его за дерзость – просто приняли за своего и позвали разделить с ними веселье, а отказываться у них не принято… Так и умер юноша, не в силах остановиться и вырваться из их хоровода, и даже если он просил о пощаде, его вряд ли услышали, а и услышали – сочли это отличной шуткой!

Хорошо, что Райгор об этом не знает, подумала я. С него бы сталось вызвать сребролико на состязание, есть ведь слова, перед которыми они не могут устоять: говорю же, у них не принято отказываться от приглашения.

В легендах говорится: тот, кто сумеет переплясать сребролико, в награду получит исполнение заветного желания, будь то несметные богатства или чья-то любовь, непревзойденный ум, талант или власть… Неужто бы Райгор устоял перед таким соблазном?

Конечно, победителю ухо надо держать востро, потому что все это если и сбудется, то с подвохом. А уж если проиграешь… в лучшем случае простишься с жизнью, как тот влюбленный юноша.

Но что толку об этом думать, если тягаться со сребролико в танце способны лишь горномогучие? Да и то еще бабка надвое сказала: к нам-то на праздники такие гости приходили своей волей и плясали тоже безо всякого вызова, лишь удовольствия ради! А вот один на один, да до победы… Не знаю даже, случалось ли такое.

А может, тут же пришло мне в голову, это сбило бы с Райгора спесь. Правда, с жизнью вместе, но тут уж выбирать не приходится.

Маска леденила мне пальцы, и я подумала: я ведь не собираюсь выдавать себя за сребролику́ю, а лишь хочу взглянуть, на кого похожа с такой личиной!

Холодный металл вновь коснулся моей кожи, я увидела переливы красок и с замиранием сердца взглянула в темное зеркало, чтобы увидеть…

Себя. Точно такую же, как обычно, с испуганным взглядом и опять растрепавшимися волосами, падающими на лицо.

Я дотронулась до щеки – отражение повторило мой жест, а я почувствовала, как ноготь впивается в кожу, но в то же время ощутила под пальцами и холодный металл. Как же так? Может, дело в зеркале? Но нет, отражения в маленьком карманном зеркальце, в тазу с водой, в мелких стеклышках оконного переплета тоже показывали меня!

«Выходит, эти маски предназначены для окружающих, – подумала я. – Иначе они вообще не смогут понять, как сребролики́е выглядят! Недаром на них всегда одеяния до пят и перчатки на руках… Может, у них вовсе нет постоянной формы? Потому Райгор и говорил, мол, оборотень рассыпался снежной пылью, только одежда осталась… И эта сребролика́я не погибла, а просто сбросила оболочку и улетучилась вместе с пургой!»

Во всяком случае, мне очень хотелось в это верить. Вдруг те снежные вихри, что бродят на дальних плато и на ледниках, – это и есть сребролики́е, вышедшие прогуляться без своих масок?

«Друг друга, значит, они видят совсем иначе, – сообразила я наконец. – И тот влюбленный юноша с фальшивой маской не мог их обмануть, он светился бы для них как факел в темной ночи! Выходит, они просто решили позабавиться с ним, сам ведь явился на верную погибель…»

А маска, должно быть, отражает то, что внутри, то, что способны воспринять окружающие: эти вот узоры, намек на черты лица, кое-какие чувства… Может, на самом деле сребролики́е вовсе их не испытывают или испытывают совсем иначе, нежели люди, но хорошо умеют притворяться?

А я… Сейчас под этой маской мое лицо, вот она его и показывает. У сребролики́х лиц нет, только снежная пыль, отсюда и гладкий металл… или даже лед, только

очень-очень прочный, непрозрачный и не способный растаять даже в раскаленном горне: говорили, в глубоких пещерах попадается такой, намерзший в незапамятные времена, еще до того, как появился первый человек. Мало кто его видел, потому что отколоть хоть кусочек – непосильная задача даже для горномогучего, остается только ждать такой лавины, чтобы горы содрогнулись, и тогда, может быть, удастся найти осколок.

Райгор ведь не сказал, что именно увидел, сообразила вдруг я. Просто серебряную маску? Или сквозь нее медленно проступили мои черты? И если так, о чем он подумал?

А еще… еще он говорил, что снежные оборотни способны притвориться кем угодно, принять любой облик. Так ли это? Например, если я представлю, что глаза у меня не темные, а голубые, как у княжны Айны, что станется с отражением?

Я смотрела, будто завороженная, как глаза мои меняют цвет, медленно, но верно. А если я еще представлю брови тонкой дугой, пухлые яркие губы, лицо не строгим овалом, а сердечком, то…

Позади скрипнула дверь, и раздалось ойканье. Я сдернула маску, спрятала в складках юбки и обернулась. К счастью, это была всего лишь Мадита, и она смотрела на меня как-то странно.

– Что это с тобой? – спросила я. – Твой друг обидел?

– Да что вы, госпожа, – покачала она головой. – Просто вошла – и показалось, будто перед зеркалом не вы, а княжна Айна сидит! Ну, в отражении немножко видно… Если б не волосы, я б и не признала!

– Наверно, померещилось, – ответила я, – темновато здесь.

– Я сейчас еще свечи зажгу, госпожа, – засуетилась Мадита, но я подняла руку:

– Оставь, уже спать пора. Лучше подай мне умыться. Да не молчи, рассказывай, что интересного творится в замке? Райгор вот меня зачем-то спрашивал, что стряслось с тремя девицами из свиты княжны, а я ни сном ни духом, не знаю

даже, о ком речь… Ты ничего не слыхала?

– Ох… вроде бы захворали какие-то из них, а которые, я тоже не знаю, госпожа, – подумав, ответила она.

– Да? И чем же они больны?

– Не знаю, госпожа, слышала только, будто бы лихорадит их, знобит все время, никак не отогреться. А еще, – тут Мадита отвела взгляд, – сказывают, это вы их сглазили, а то и вовсе прокляли!

– Ну надо же такого напридумывать, – вздохнула я. – Уж если кого мне и надо проклинать, так не их, а…

– Тихо, госпожа! – прошипела она вдруг и заозиралась. – Не надо о таком вслух!

– Я знаю, что за мной следят, Мадита. Не только ты, уж конечно. А было б желание от меня избавиться, повод найдется.

– Пока старый князь жив, никто вас и пальцем не тронет, – едва слышно прошептала она. – Да вот только…

– Я помню, – сказала я и снова взглянула на свое отражение, зыбкое и призрачное в тусклом свете. – Он при смерти.

Глава 6

За мною прислали несколько дней спустя, когда я уже переодевалась ко сну, а звали в покои князя… Трудно было не догадаться зачем.

Первым, кого я увидела, войдя в опочивальню Даккора, был его сын. Меня он, казалось, вовсе не заметил, ну да он редко обращал на меня внимание, и хвала всему сущему!

– Альена… – раздался едва слышный голос с кровати, и я с трудом узнала его. – Подойди…

Приблизившись, я едва сдержала изумление: этот высохший, совершенно седой старик никак не мог быть князем Даккором, немолодым, но вполне еще крепким человеком!

Казалось, я не так давно видела его, но насколько же он изменился! Только глаза по-прежнему были глазами того, прежнего князя – темные, с проницательным и цепким взглядом, умные…

Видно, слухи о тяжелой болезни были правдой: только от нее сильный мужчина может превратиться в старика за такой краткий срок!

«Или благодаря злому колдовству, – шепнул мне внутренний голос. – Лишь бы не сказали, что твоему!»

– Альена… – еле слышно прошелестел князь. – Вряд ли я переживу эту ночь, поэтому… решил попрощаться… с тобой…

Я опустилась на колени рядом с кроватью, склонила голову, почувствовала, как дрожащая старческая рука коснулась моей щеки. Пальцы князя были холоднее льда.

Я помнила, как умирал мой старый дед: на руках у своего сына, моего отца, и невестки, держа меня на коленях (шел мне шестой год), в окружении друзей и дальней родни. Горномогучие складывали костер, сребролики с чутконосыми и легколапыми завели прощальную песню, легкую, звонкую и печальную, как осенний ветер, чистую и холодную, как первый снег, полную надежды, как любая погребальная песнь…

Дед умирал не от болезни, не в бою – он сдался на милость победительницы, всеприсущей Смерти, потому что пришел его срок. Вот только свершилось это под открытым звездным небом, а не в жаркой спальне, пропахшей лекарскими зельями, пропитанной тяжким духом больного старческого тела. Он умер подле яркого огня, в который вскоре отправилась бренная человеческая оболочка, и искры взлетели так высоко, что одна из них добралась до небосвода и осталась там, чтобы приглядывать за всеми нами, его потомками и друзьями…

Тело князя, я знала, выставят в большом зале, чтобы подданные могли попрощаться с ним, и там оно будет лежать несколько дней, обмазанное всевозможными снадобьями и смолами, чтобы избавиться от запаха. Хорошо еще нынче осень, уже холодно, по жаре вышло бы совсем скверно… Право слово, равнинные ничего не смыслили в похоронных обрядах!

– Ты хорошая девочка, Альена… – произнес князь после долгой паузы, поманил меня ближе и шепнул чуть слышно: – Я прошу тебя… не оставляй моего сына… Он так горяч, а ты сумеешь сдерживать его… Обещай!

– Господин… – шепнула я в ответ, смаргивая невольные слезы, но не торопясь произносить клятву.

Похоже, сознание князя уже помутилось, потому что он не настаивал, а позвал:

– Райгор…

– Да, отец… – ожил тот, до сих пор напоминавший статую.

– Тебе я уже сказал все, что должен был сказать, сынок… – Даккор перевел взгляд на сына. – Только одно… одно повторю… Женись на Альене, Райгор, чего бы это тебе ни стоило! Это, если хочешь… моя последняя воля…

– Отец! Господин Даккор! – воскликнули мы почти в один голос, но старый князь уже не слышал нас.

– Холодно… – только и выговорил он напоследок. – Как холодно…

Он так и не пришел в сознание, а умер на рассвете. У нас сказали бы: Утренняя звезда любит славных воинов, и пускай искр костра не видно в солнечных лучах, это означает лишь то, что умерший стал одним из них, не отличишь, и всегда будет освещать путь своим родным! Вот только окна были закрыты наглухо, тяжелые портьеры задернуты, и опочивальню князя освещали лишь тусклые огоньки свечей…

На рассвете к подданным вышел новый правитель – князь Райгор.

По счастью, с похоронами тянуть не стали, лишь три дня отвели на прощание с Даккором. В толпе шептались: мол, молодой князь не очень-то опечален смертью отца, вон, ни слезинки не пролил… Из толпы не видны были в кровь искусанные губы молодого князя, а я была уверена – это не от горя. Он пытался принять какое-то решение, очень важное решение, и не мог.

Я догадывалась, о чем он думает, и даже немного сочувствовала: непросто найти такой выход, чтобы и не пойти против последней воли отца, и себя не ущемить…

Была и поминальная трапеза, на которой мне как-то не находилось места. Я наблюдала за здешними церемониями с недоумением: если в начале ужина произносили какие-то речи, прославлявшие старого князя, а дамы проливали слезы, то спустя несколько часов тризна превратилась в обычный пир. Я чувствовала себя совершенно лишней в своем траурном платье, без единого украшения – у нас считалось, что негоже похваляться перед умершими вещами, которые нельзя унести с собой за последний перевал… Увы, здесь и поминки были поводом похвастаться богатством!

Проходя мимо оживленно болтавших дам, я невольно услышала обрывок разговора и приостановилась.

– Ну что вы, дорогая, это невозможно! – говорила одна, элегантно обмахиваясь веером.

– Отчего же? – возражала вторая. – Этого хотел старый князь, и…

– Вот именно, что этого хотел старый князь, – хохотнула первая. – Откуда вам знать, чего хочет молодой? Да вы только посмотрите на нее: до чего ж нехороша собой…

– Ну, вы слишком уж придирчивы, – пробормотала вторая. – Девушка, конечно, не писаная красавица, но и далеко не дурнушка. Она неплохо сложена, и если ее как следует одеть и причесать, выйдет просто картинка!

– Да, но…

Что «но», я слушать не стала, поскольку ничего нового о себе не узнала бы: Мадита пересказывала все, даже гадости, что придумывали обо мне и старом князе… Правда, теперь к списку моих недостатков добавился «дурной глаз», не иначе с подачи княжны Айны – она ведь не успела еще уехать. Видно, траурное платье самого модного покроя приготовила заранее – вот такое уж точно в три дня не сошьешь, там мастерицам на неделю работы!

Я отошла в сторону, думая, как бы удалиться незамеченной, но резкий оклик заставил меня вздрогнуть.

– Альена! – звал Райгор. – Альена!

– Да, господин?

Князь сделал несколько шагов мне навстречу и взял за руку. Я только удивилась: что это на него нашло?

– Альена, отчего ты стоишь одна? – спросил он неожиданно мягко. Его собеседницы уставились на меня с нехорошим любопытством.

– Я…

Райгор до боли стиснул мои пальцы, заставляя умолкнуть.

– Альена безмерно опечалена смертью моего отца, – произнес он, обнимая меня за плечи и с силой привлекая к себе. – Она была очень к нему привязана… Верно, Альена?

Я молча кивнула в ответ, не понимая, что он затеял. Украдкой взглянув вверх, ему в лицо, я поняла – дело неладно!

– Отец тоже очень любил Альену, – продолжал он, прижимая меня к себе так, что я едва могла дышать. – И я женюсь на ней, как только минет срок траура. Так?

– Да, господин, – ответила я. – Такова была последняя воля господина Даккора.

– Вот именно, – произнес Райгор, глядя на Айну. Глаза его блестели опасным сухим блеском, а пальцы жгли мое плечо сквозь одежду, будто раскаленное железо. – А последняя воля – закон. Тем более воля князя. И да будет так!

Не помню, как я дотерпела до конца вечера. У нас не прекращали бы поминок до рассвета третьего дня, вспоминая деяния ушедшего – а у Даккора их хватило бы и на больший срок! – но у равнинных такое не было принято. Я спаслась постыдным бегством, скрылась в своих покоях и в последующие дни старалась не высовываться оттуда, чтобы не столкнуться с Райгором.

Новости мне приносила Мадита: жизнь в княжестве шла своим чередом, а если и случались какие-то неурядицы, о них ничего не говорилось.

Впрочем, Мадиту больше интересовали слухи и сплетни. Так, она донесла, что сильнее всего молодому князю докучают не враги, не разбойники и даже не казнокрады, а благородные девицы со своими бойкими мамашами. Еще бы, такой жених пропадает… И ведь не всякую выставишь прочь, не учинив обиды!

– Снова гости, – сказала она, гася свечи, – повара с ног сбились, поди наготовь на такую ораву! Гулять будут до утра… Хорошо еще тут почти ничего не слышно, верно, госпожа?

Я кивнула: отзвуки веселья до моих покоев не доносились.

– Иди спать, – сказала я, – или ты опять на конюшню?

– Ну так… если дозволите… – засмущалась она.

– Дозволяю, – серьезно ответила я. – Держи вот яблоко, дай Серебряному от меня. Я сама не пойду, слишком уж много чужаков кругом.

– Он поймет, он прямо как человек, – заверила Мадита, засунув яблоко в карман. – Иногда как глянет, так и думаешь: вдруг, как в сказке, это вовсе не конь, а рыцарь зачарованный?

Я только улыбнулась в ответ, а когда она убежала, кутаясь в шаль, вынула маску из тайника: его я обустроила на полке с книгами, потому что уверена была –

туда никто, кроме меня, не полезет. Мадита до книг и дотронуться боялась – я ей еще когда сказала, что они очень дорогие, так что сама пыль смахну, не переломлюсь, – а чужих в комнате не бывало. Конечно, если бы мои покои вздумали обыскать, то нашли бы маску, но пока обходилось…

– Я только еще разок попробую, – шепотом произнесла я, сев перед зеркалом.

Облик княжны Айны удавался мне отлично, но я придумывала все новые и новые лица, и это увлекало не на шутку. Себя бы так не забыть, думала я порой и тут же снимала маску…

Свеча уже почти догорела, и хоть это мне не мешало, я подумала, что нужно ложиться. И тут в дверь постучали… Я решила было, что померещилось, но стук повторился.

– Кто там? – спросила я, пряча маску на полке.

– Райгор, – был ответ, и я едва не уронила на пол книгу в тяжелом переплете. Грохоту было бы! – Я тебя разбудил?

– Нет, господин, я еще не спала. Что вам угодно?

– Видишь ли, твоя спальня – последнее место в замке, где меня будут искать.

– Кто же вас ищет? – удивилась я.

– Угадай, – тихонько рассмеялся он. – Открой дверь, Альена.

– Простите, господин, не открою, я не одета.

– Что за печаль? Я ведь женюсь на тебе, так что увижу все твои прелести…

– Вот когда женитесь, тогда и увидите, – ответила я. – Хотя, право слово, нечем там любоваться. Вот ваша матушка была красавицей, а я…

– Да не была она такой, – грустно сказал Райгор за дверью. – Я же сказал, в замке нет ее прижизненных портретов… Это отец придумал легенду, чтобы объяснить, почему не хочет жениться во второй раз. Дескать, предан памяти жены, равной ей не найти… А если очень часто повторять что-то, люди начинают верить, даже те, кто ее помнил.

Я молчала.

– Отец ведь поздно женился, – продолжил он после паузы. – Она была на двадцать с лишним лет моложе его… Знаешь, не самого знатного рода, и приданого-то с гулькин нос, и не красавица писаная, а вот поди ж ты! Отец за ней ухаживал, как мальчишка… Он очень ее любил.

– А она его? – спросила я, не вполне понимая, к чему этот рассказ.

– И она его, – твердо ответил Райгор, и я поняла, что наверняка он этого не знает. – Она… она умерла, когда мне и двух лет не было, я ее совсем не помню. А отец так и не женился больше. Наследник есть, а мачеху для меня он брать не хотел.

Снова воцарилась тишина.

– Отец не дожил до нашей свадьбы, жаль… Он говорил, ты чем-то напоминаешь ему мою мать.

Я вспомнила, как Райгор в запале предложил отцу самому жениться на мне, но промолчала. Не стоило вспоминать о таком.

– Не откроешь, значит? – снова спросил он.

– Уж простите, господин, но я воспитана в тех краях, где жениху даже лицо невесты до свадьбы видеть не полагается, не говоря уж о прочем, – приврала я. – И я не знаю, кто там с вами за дверью. Этак открою, а вы заявите, что я не вам отворила, а вашему гостю или вовсе оруженосцу и свидетелей – толпа. И разве можно жениться на опозоренной, даже если отец завещал?

За дверью царила тишина.

– Если хотите, ломайте двери. Засов здесь крепкий, сколько-то продержится, а я тем временем успею в окошко выпрыгнуть, – добавила я. – Высоко, но… лучше смерть, чем позор!

Признаюсь, я невольно давилась от смеха, повторяя фразы из здешних рыцарских романов, но Райгор, должно быть, принял эти звуки за всхлипы, поскольку произнес:

– Не думай обо мне хуже, чем я того заслуживаю, Альена.

– Всякому благородству есть предел, – припомнила я еще один подходящий оборот, – а вы, господин, еще и нетрезвы… Когда же человеком управляет не разум, а вино, он способен на самые мерзкие поступки, о которых сам же и пожалеет, но будет слишком поздно!

– Поверь, я не желал ничего дурного, – устало сказал он. – И я до отвращения трезв. Знаешь, сколько ни выпью, стоит взглянуть на всех этих девиц – так трезвею. Не иначе тело умнее меня и старается не наделать спьяну того, за что потом придется расплачиваться голове!

– Завидую вашему здравомыслию и самообладанию, господин, но дверь все равно не открою.

– Ясно… Что ж, спрячусь на конюшне, – усмехнулся он, и мне вдруг захотелось отодвинуть засов, но… будто чьи-то ледяные пальцы удержали мою руку.

– Доброй ночи, господин, – сказала я и добавила не без расчета: – Вам ведь вовсе не обязательно жениться на мне. Я знаю, почему господин Даккор так настаивал на нашей женитьбе: это все из-за перевала, верно?

– Да, – услышала я после долгой паузы.

– Хотите, я подарю его вам или продам… недорого, что там продавать-то? Скалы да горелые развалины?

На этот раз молчание длилось дольше.

– Не говори глупостей, Альена, – сказал наконец князь. – Я женюсь на тебе, но не из-за проклятого перевала, а потому, что такова была последняя воля моего отца. Ты слышала его слова собственными ушами. И ты считаешь, что я способен ослушаться его?

– Я не сомневаюсь в вас, господин, – не удержалась я. – Но не думаю, что этот союз будет счастливым.

– Это не имеет значения. А что касается перевала… Ты что, плохо знаешь законы? Земли Сайтор не подлежат продаже или дарению, они могут переходить только по наследству. Если не будет наследника мужского пола, тогда они отходят старшей дочери. Единственной, если говорить о тебе. Не будет и дочери – тогда дальней родне, как их там…

– Я знаю, господин. А вы должны были бы войти в мой род, чтобы стать настоящим хозяином перевала, но этого бы ваш отец не допустил, верно?

– Да, он часто сожалел о том, что у меня нет младшего брата, – усмехнулся Райгор, – тогда все было бы намного проще. Но деваться некуда, поступим, как привыкли: я добавлю к своему титулу «хозяин Сайтор», вот и все.

«Если бы все было так просто!» – подумала я, а вслух спросила:

– Господин, а почему господин Даккор так рано умер? Ведь он был еще не стар!

– Он тяжело болел, и уже давно, ты не знала? – ответил Райгор после долгого молчания. – Он старался, чтобы никто не прослышал об этом, хотел, чтобы я успел повзрослеть, чтобы меня не сожрали все эти… Кроме меня и пары самых преданных слуг да еще надежного лекаря, никто не знал и даже не догадывался о его недуге. Только отец надеялся, что сумеет протянуть дольше, но… Ты же видела его. Он просто истаял… В последние недели так исхудал, что не мог согреться, дрожал от озноба, как ни топили в покоях, сколько грелок ни клали ему в постель…

И вот тут-то озноб охватил меня, и вовсе не потому, что я стояла на голом каменном полу – это нипочем той, что привыкла бегать босиком по снегу.

Я забыла! Я совершенно забыла о собственном дне явления, а остальным уж тем более не было о нем известно. Здесь считают возраст с момента появления на свет, а не зарождения духа в будущем ребенке, потому как не умеют это вычислять, и по равнинным законам мне все еще было пятнадцать, хотя на самом-то деле уже шестнадцать! Не были проведены обряды, принесены жертвы, сотворены запреты… Это прощается – ведь не имелось никакой возможности сделать это, некому было ввести меня в мир взрослых: родных почти не осталось, а кто остался, жил невероятно далеко. Ну а друзей, готовых сделать это для меня, нет и подавно!

Князя Даккора убило проклятие рода Сайтор, тут и гадать нечего. Оно спало до тех самых пор, пока я не стала взрослой, а тогда проснулось и довершило начатое… И тех девушек я в самом деле сглазила, даже не понимая, что творю! А и понимала бы, не сумела управиться со своим наследием – говорю же, некому было ввести меня в мир взрослых по-настоящему…

Маска.

У меня отлегло от сердца, когда я вспомнила о ней. Я взяла ее уже после того, как пострадали девушки! Князь же… возможно, он и впрямь был болен, давно павшее на него проклятие еще сильнее подорвало его здоровье, ну а когда я сделалась взрослой, он угас в считаные дни. Лишь бы я оказалась права и маска действительно стала моим проводником!

– Почему ты молчишь? – спросил Райгор, перебив мои мысли.

– А что вы желаете услышать, господин?

– Я задал вопрос и жду ответа.

– Простите, я не расслышала, господин, – повинилась я.

– Я сказал: теперь, когда отца нет в живых, тебе нельзя оставаться в замке. Невеста не может ночевать под крышей жениха, если рядом нет взрослой родни. И ты, и я одиноки, поэтому…

– Поэтому что?

– Тебе придется отправиться в обитель Создателя и оставаться там до тех пор, пока не истечет срок траура. Мы и так уже нарушаем обычай, но… похороны, проводы… Пока что это простительно, ведь считается – дух отца еще не отлетел из этого дома и присматривает за нами. Но срок уже на исходе, и ты должна понимать…

– Конечно же, понимаю, – сказала я, не став напоминать о том, что он только что всеми силами стремился преступить запрет. – Я готова повиноваться, господин.

– Хорошо. Доброй ночи, Альена, – сказал он и ушел, я слышала шаги.

Значит, обитель…

Никогда не могла взять в толк, что это и зачем нужно. У нас объясняли так: люди, решившие посвятить себя Создателю, собираются, строят большой дом, живут все вместе, ведут общее хозяйство и неустанно молятся за себя и за других людей. И чем, кроме последнего, отличалась обитель от обычного подворья?

Здесь мне сказали: возносить хвалу и мольбу Создателю нужно не абы как, а согласно старинным правилам. Мне пришлось заучить эти длинные унылые славословия, хорошо еще не все, а только самые важные, без которых знатной особе никуда. Уверена, услышав их, Создатель, вечный странник, немедленно зажал бы уши покрепче да и пошел своей дорогой, а дверь за собой не просто бы запер, а еще и подпер чем-нибудь потяжелее, чтобы не просочилась за ним этакая плесень!

Ко всему прочему жили в этих обителях или одни мужчины, или одни женщины (последние разве что на тяжелые работы нанимали работников, с которыми не могли управиться, и то редко), а это совсем уж невесело. Когда я спросила, почему так заведено, мне ответили: если станут жить все вместе, то непременно начнутся «соблазны», как тут это называли. В смысле разве ж молодежь удержится? А там то любовь, то ревность, еще и детишки пойдут, а с ними хлопот полон рот… Все как у людей, какие уж там молитвы с утра до ночи!

Ну а тем, кто вырос при обители, в большой мир дороги, считай, не было. Правда, случались и исключения, но до того редкие – по пальцам перечесть!

В дверь снова поскреблись.

– Кто?

– Это я, госпожа, Мадита, – отозвалась она.

– Точно ты? – на всякий случай спросила я, подумав: что, если Райгор тоже знает тайну масок и надел одну из них, чтобы притвориться моей служанкой? Или велел какой-нибудь другой горничной сделать это, если женские личины не подходят мужчинам?

– Да кому же еще быть, госпожа? – искренне удивилась Мадита.

– А ты там одна? Никого кругом нет? Проверь за поворотом.

– Нету, – после паузы отозвалась она. Я слышала ее шаги и шорох юбки. – Но возле двери сильно натоптано, воском свечным на пол накапано, да не в одном месте, а еще винный дух стоит, густой такой… Это кто ж к вам приходил, госпожа?!

– Неважно. Скажи-ка лучше, что я тебе сегодня для коня дала?

– Яблоко большое, с красным бочком, – тут же ответила Мадита. – Я, госпожа, не удержалась, отломила половинку, уж такое оно красивое было… Но Серебряный не обиделся, честное слово даю! Я ему еще хорошую краюху хлеба прихватила, посолила, как он любит, сказала – тоже от вас. Не поверил, по глазам видно было, но взял!

– Ладно… А где у меня приметная родинка? Помнишь, ты еще сказала, что она на звездочку похожа?

– Нету у вас такой родинки, госпожа, – уверенно ответила Мадита, несколько лет помогавшая мне и мыться, и одеваться и уж разглядевшая меня с головы до пят, – если только за день не выросла.

– Ну хорошо, последний вопрос… Кто забрал тебя из обители?

– Покойная княгиня, – раздалось после паузы, и я отодвинула засов. Этого Райгор знать не мог.

Глава 7

– Кто ж вас так напугал, госпожа… – заворчала Мадита, проскользнув в комнату. Для женщины ее сложения она была куда как ловка! – Настоящий допрос учинили, прямо как хозяйка обители: где была да что делала… А ничего тогда и не делала, словечком с водовозом перекинулась!

– Сегодня, вижу, ты не только словечками перекидывалась, – невольно улыбнулась я: волосы у нее растрепались, косынка на шее была повязана небрежно, а нарядный передник измялся и сбился на сторону. Ну и сено к юбке прицепилось, как же иначе.

– А и что ж с того, мы не знатные господа, нам и до свадьбы не зазорно, – фыркнула она.

– А когда свадьба? – поинтересовалась я.

– Так хотелось бы поскорее, госпожа, – потупилась Мадита и принялась обирать с платья соломинки. – Динк, правда, заладил: давай, мол, подгадаем, чтоб в один день с господами, чтоб памятно вышло! А я говорю – еще чего не хватало, а кто ж тогда госпожу Альену будет одевать-собирать? Я этого никому не доверю! Словом, – перебила она сама себя, – на будущей неделе, аккурат на праздник урожая, как принято. Хоть урожая того кот наплакал, а все ж таки обычай… Ну, это если вы дозволите, госпожа!

– Я же тебе не хозяйка, дозволения у князя надо просить. Или у старшего распорядителя, я и не знаю, как тут у вас заведено.

– Будто им дело есть до конюха со служанкой, не рабы же мы, вольные люди, сами разберемся… – проворчала она. – Ну то есть если господа не возражают. А раз я к вам приставлена еще старым князем и никто его приказа не отменял, значит, вы моя хозяйка и есть, вам и решать!

– Тогда разрешаю, – кивнула я. – Как раз и сама успеешь приготовиться, и мои вещи соберешь.

– А… вы неужто едете куда-то, госпожа? – удивилась Мадита.

– Да. В обитель.

– Что вы такое говорите!

– Так Райгор решил, сказал, до свадьбы мне придется пожить там, потому что мы как раз знатные и невесте с женихом под одной крышей делать нечего.

– А скоро ли?

– Точно не говорил, но, думаю, со дня на день прикажут отправляться. Так что, Мадита, уж расскажи, что там и как? Знаю, ты об этом вспоминать не любишь, но…

– Да как… если не своей волей пришел – скучно и работа тяжелая, да еще по десять раз на дню изволь все дела бросить, встать со всеми вместе и молитву вознести, – вздохнула она. – Ни шагу без этого не ступишь, а ступишь – всыплют горячих. Кто сам-то в обитель заявился или ненадолго приехал, тем это вроде как и в радость. Те, кого туда несмышлеными подкинули, – привыкли. А таким, как я… иногда стоишь, бубнишь очередную молитву, а сама думаешь: лучше б волки в лесу съели, право слово!

– Ты ни разу не говорила, как там оказалась.

– Добрые люди привели, – серьезно сказала Мадита. – В лесу нашли. А я ничегошеньки не помню: ни как меня звать по-настоящему, ни откуда родом, ни кто мои родители… По одежде вроде крестьянка, далеко не из зажиточных, вдобавок не из здешних краев, знаки на одежде вовсе незнакомые. Решили, отстала от какого-то обоза, что на ярмарку шел, заплутала, а с перепугу памяти лишилась – сказывали, по всему видно было, я не один день там бродила. А может, лесного хозяина увидела, он и подшутил…

– Они так не шутят, – сорвалось у меня, но она продолжала, не слушая:

– Ну а кому нужна ничейная девчонка? Своих хватает… Может, и приютил бы кто: оказалось, что по хозяйству-то я кое-чего умею, да и не из слабеньких буду. Но только год плохой выдался, самим бы прокормиться… Вот и отвели в обитель, как раз по хозяйству помогать. Там мне имя дали и велели молиться, чтоб Создатель память вернул. Но, видно, в обители так гомонят, что меня он как раз и не услышал, – закончила она. – Да и ладно. Видно, слишком дурная память, этак вернется – не обрадуешься.

– Не хочешь же ты сказать, что тебя, как в сказке, завели подальше в лес, да и бросили?

– Может, и так. Говорю же, госпожа, год выдался голодный, – пожала она могучими плечами. – А я самого бестолкового возраста была: на многие дела еще силенок не хватает, а поесть – только подавай! К чему такую приставишь? Разве что за малышней смотреть… ну так если несколько погодок, уж найдется кому люльку качать, полы мыть да кур с поросятами кормить.

Мадита помолчала и добавила:

– Той зимой еще нескольких младенчиков к воротам обители подкинули, тоже девчонок – две даже выжили, а остальных поздно нашли – замерзли они. Видно, у самих родителей рука не поднялась приморить, вот и рассудили: пускай Создатель решает, жить им или умереть…

Я невольно поежилась: в самом деле, повеяло страшной сказкой!

Старики рассказывали, когда-то и в горы приносили детей: обычно их находили сребролики и думали поначалу: люди хотят отдать малышей им на воспитание. И несказанно удивлялись – неужели не понятно, что человек с ними жить не может? Потом уже догадались: это люди из долин жертвуют своих детей, чтобы умилостивить духов гор… и заодно избавляются от лишних ртов. Но это было очень, очень давно, а за последние лет сто такое случалось всего раз или два. То ли жизнь в долинах стала лучше, то ли люди поняли наконец, что их жертвы горам безразличны.

– Как ты оттуда выбралась, ты тоже не говорила, – напомнила я. – Упомянула только, что княгиня тебя заметила и с собой забрала.

– Верно, – кивнула Мадита. – Мне тогда, наверно, уже годков десять было, точно-то никто не знал, а я так тем более. Может, и меньше, потому что я, сами видите, какая крупная. Ну а в девчонках собой вроде ничего была, соображением Создатель не обделил, обхождению худо-бедно научилась, нос кулаком не вытирала… Вот меня и приставляли к знатным дамам, которые в обитель приезжали, значит, милости Создателя попросить или просто по пути на ночлег останавливались. У них, конечно, своей прислуги хоть отбавляй, – пояснила она, – но только те ж не знают, где воды набрать, у кого свечей попросить, да мало ли еще чего… Вот я и бегала день-деньской – подай да принеси. Но это всяко лучше, чем в потолок пялиться и бормотать невесть что безо всякого толку.

– А зачем княгиня приехала в обитель? Тоже по пути оказалось?

– Нет, она как раз явилась ребеночка вымаливать, – пояснила Мадита и сняла нагар со свечей. – Никак наследника князю не могла родить, что она, что первые его жены…

– Как так? – удивилась я. – Райгор сказал, что его отец поздно женился, и…

– Еще б не поздно, эта княгиня уже пятой была, – проворчала она. – Про первых трех ничего не знаю и никто не знает, языки у всех накрепко узлом завязаны. Четвертая, я слышала, родила раньше срока и от горячки умерла, ну и мальчик, ясное дело, не выжил… – Мадита помолчала и продолжила: – Ну, тогда князь на госпоже Вианне и женился. И тоже незадача: три года прошло, а ничего… Очень он на нее за это сердит был. И то: сам уже в возрасте, когда наследника воспитывать-то, уму-разуму учить?

– Вот, значит, как… – протянула я. – Райгор уверял, князь жену очень любил, и она его тоже.

– Уж конечно, любил он… – буркнула Мадита и придвинулась ближе, чтобы говорить мне на ухо: – Ни старый князь, ни молодой сроду никого и ничего, кроме себя да своего богатства не любили. И предки их такими же были, что мужчины, что женщины… Тут поживи – всякого наслушаешься, а что вам об этом не рассказывали, оно и понятно! Госпожа Вианна, когда замуж шла, она мне говорила, сама не своя от счастья была…

– Она ведь была не слишком знатной?

Мадита кивнула и пояснила:

– Те семейства, что побогаче да посметливее, дочерей князю отдавать не собирались, знали же, что жены у него не заживаются. Одна красавица, рассказывали, когда он присватался, своей волей в обитель ушла. Сказала, с детства об этом мечтала! Правда, ее потом оттуда кто-то выкрал, – добавила она, – и куда девица подевалась, неведомо. Наверно, родные увезли подальше, а может, с сердечным другом сбежала. Другую мигом замуж выдали, заявили, давно сговорена была, еще до ее рождения условились… Как же, отдали бы ее за бедного рыцаря! Но этим повезло – они друг в дружку давно влюблены были, и если б не князь со своим сватовством, им бы никогда пожениться не позволили!

– Только не говори, что какая-нибудь отравилась или повесилась, лишь бы за князя замуж не идти.

– Может, и такое бывало. Я ж не обо всех слыхала, так… Когда с другими служанками болтаешь, нет-нет да и узнаешь что. А там слово за слово… – Мадита вздохнула. – Ну а госпожа Вианна была из хорошего рода, старинного, только давно обедневшего. Ей такое замужество и не снилось! А князь-то, вы ж помните, госпожа, хоть собой и не красавец, но видный, обходительный, говорил умно… Много ль девушке нужно? Вот что она его полюбила – в это могу поверить, да… Иначе не убивалась бы так!

– Значит, ты прислуживала княгине в обители, чем-то ей приглянулась и она взяла тебя с собой? – вернула я ее к тому, с чего мы начали.

– Ну да, так и было. Госпожа Вианна сказала, мне в обители не место: там все какие-то тусклые и пыльные, а я, понимаете ли, сияю, как медяшка начищенная! А там таких не любят, со свету сживут или работой заморят… Сбежать? А куда бежать-то? Скитаться, подаяния просить, работницей к кому-нибудь наняться? Еще хуже выйдет, в обители хоть мужиков нет… – вздохнула Мадита. – А то странницы у нас тоже бывали, я от них всякого наслушалась. И о том, как они старухами калечными-увечными притворяются, чтоб юбку не задирали, и о прочем. И то не всегда убережешься!

– Ты не отвлекайся, а то уже скоро светать начнет, а у тебя рассказа, я смотрю, еще на две ночи хватит! – напомнила я.

– А, да уж всего ничего осталось-то, – спохватилась она. – Вот госпожа Вианна так сказала… Потом еще как-то обмолвилась, что и при дворе все какие-то фальшивые, я одна без маски и со мной ей полегче. Так я при ней и была до самой ее смерти…

– Наследника она все же родила, выходит.

Мадита сделала страшные глаза, зачем-то посмотрела по сторонам и снова сунулась к моему уху. От нее вкусно пахло сеном, лошадьми и какой-то сдобой.

– В том-то и дело, госпожа, что нет…

– А… Райгор тогда откуда взялся? – оторопела я. – Больше ведь князь не женился, так?

Мадита кивнула, потом снова зашипела:

– Госпожа Вианна девочку родила, слабенькую очень, но хоть живую. Ух, как князь осерчал! Видели, может, в коридоре на втором этаже оконный переплет погнут? Это он кулаком ударил, так и не смогли потом до конца выправить…

– Ничего не понимаю!

– Это ночью было, я в уголке прикорнула, так, что меня не видать, потому и слышала, – прошелестела она. – Если б заметили, я б вам этого сейчас не рассказывала, госпожа!

– Да почему же? – нахмурилась я, хотя уже догадывалась, в чем тут дело.

– Утром объявили – у князя наследники родились, двойняшки, – произнесла Мадита. – Только оба слабы, да и княгиня совсем измучилась, так что людям их не скоро покажут… Я обоих видела, госпожа. Мальчик-то постарше девочки был, если не на две недели, так на несколько дней уж точно.

– А что же, княгиня сама не поняла, что…

– Так она без памяти почти неделю пролежала. Ее еще какими-то снадобьями поили, дескать, для укрепления здоровья. А когда очнулась – ребенок один.

– И что же с девочкой сталось? – Меня снова зазнобило.

– Умерла, – вздохнула Мадита. – Бывает такое с маленькими детьми. А может, кормилица приспала или просто за ней не особенно приглядывали… Сказали, мол, девочка второй появилась, долго шла, потому как госпожа Вианна совсем сил лишилась. Еле живой родилась и скоро скончалась. А мальчик – вот он, здоровехонек!

– Но Райгор ведь одно лицо с отцом, – пробормотала я. – Если он подменыш, то…

– Ну так все равно же сын. Только мать не та, – пояснила она. – Я так думаю, когда князь понял, что от законных жен наследника не дождется, нашел себе какую-нибудь девицу покрепче, а может, и нескольких, чтоб уж наверняка хоть с одной да выгорело бы дело! Как он так подгадал, чтоб детишки почти в один срок родились, не знаю, но получил ведь что хотел! Или ворожил ему кто, или он сам умел, поди угадай?

– А если б княгиня мальчика родила?

– А тогда зачем подменивать? Был бы ее сын наследником, а тот рос бы себе в деревне. А может, его б на воспитание кому отдали, все-таки родная кровь… Как знать, сколько еще таких княжат на свете живет?

– Вот, значит, как… Ну а княгиня? Поверила?

– Поверила, – кивнула Мадита. – Да и будто часто она мальчика видела! С ним няньки-кормилицы возились, ей принесут на ночь поцеловать, и будет…

– И ты ей ничего не сказала?

– Нет, госпожа, – медленно покачала она головой. – Побоялась. Чего мое слово стоит? Даже если б госпожа Вианна потребовала правды от князя, а это навряд

ли…

– Тебе бы шею свернули, а ее отправили вон хоть в обитель, – закончила я, – чтобы не говорила лишнего.

– Ну да. А так-то госпожа Вианна мальчика любила, хоть мне иногда и казалось – чует ее сердце что-то неладное! Еще и князь к ней охладел: прежде что ни ночь, так он у нее в опочивальне, а теперь хорошо если раз в месяц заглянет, и то парой фраз переброситься, а не…

Она умолкла.

– Райгор сказал, княгиня умерла, когда ему еще двух лет не было, но от чего? Заболела?

– Не знаю, госпожа, – пожала плечами Мадита. – И лекари тоже только руками разводили. Просто начала понемногу чахнуть, слабеть, есть перестала, исхудала, все мерзла, да так и угасла… Я ее и нашла: пришла утром подать умыться, а она лежит, улыбается, белая-белая, как первый снег, и такая же холодная. Мне почудилось даже, будто я на стенах иней заметила…

«Снова?! – поразилась я. – Но каким образом княгиня Вианна могла заполучить это проклятие? Разве что… через мужа? Ведь отчего-то умирали и все его прежние жены, и дети, кроме незаконнорожденного Райгора. Но тогда выходит, что князь был проклят намного раньше, чем отдал приказ разорить мой дом! Или даже не он сам, а весь его род… А может, одно проклятие наложилось на другое? Или они действуют сами по себе?»

Вопросы все множились, а ответов я не знала… В самом деле, кто мог наградить княжеский род таким проклятием? И когда?

– Мадита, скажи, а у князя Даккора были братья или сестры?

– Нет, госпожа, он единственный сын, – ответила она, – и мать его умерла родами.

– А его отец?

– Вроде бы у него была сестра… – нахмурилась Мадита. – Но то ли незаконная, то ли… Не знаю точно, госпожа, врать не буду. А почему вы спрашиваете?

– Да как-то странно выходит: обычно в знатных семьях полным-полно всяких дядюшек-тетушек, двоюродных и троюродных, а в этой…

– Один только сын, – сообразила Мадита. – Или дочка. И родня их сторонится, будто прок…

Она осеклась и уставилась на меня, а я встала и сняла с полки толстый том. Раньше бы мне повнимательнее приглядеться к семейному древу княжеского рода! А то заучить-то заучила, кто там за кем следует, но как говорящая птица – не задумываясь.

Вот он, Дангор Керриск Отважный, основатель. Семеро детей от разных женщин, есть и мальчики, и девочки. Наследник… И у этого пятеро, правда, двое умерли во младенчестве. И так с небольшими отличиями вплоть до прапрадеда князя Даккора, носившего, к слову, то же имя. Начиная с него, в семье лишь один наследник, причем дважды девочки. Тогда, видимо, как и у нас, мужей принимали в род. И жены, и мужья глав семьи умирают рано: если верить датам, во время или очень скоро после появления наследника, и не имеет значения, какой по счету это был брак…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kira-izmaylova/strazh-perevala

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить